

ЛАБОРАТОРИЯ БУДУЩЕГО
«НОВОЙ ГАЗЕТЫ»

НОВАЯ
ГАЗЕТА 18+

НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ДОКЛАД

Неуловимое будущее

ПОЧЕМУ ЖИТЕЛИ РОССИИ НЕ ИМЕЮТ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ТОМ, ЧТО ВПЕРЕДИ,
И ДАЖЕ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОБ ЭТОМ ДУМАТЬ

Неуловимое будущее

Почему жители России не имеют представлений о том, что впереди, и даже отказываются об этом думать

Неуловимое будущее. Введение и часть 1 Изображение

Практически каждый раз, когда мы приступали к тому или иному исследованию Лаборатории будущего «Новой газеты», сразу, даже перед тем, как мы успевали объяснить участникам, что это за исследование и для чего оно нужно, мы слышали вопрос: «Лаборатория чего? Будущего?..» Сразу за этим вопросом следовала улыбка, снисходительная и немного саркастическая. Порой кто-то уточнял: «Того будущего, которого нет?» На этом месте все как будто понимающе пожимали плечами, переглядывались и вроде как сходились во мнении, что чего только в жизни не бывает.

Стоит заметить, что недоумение по части необходимости заглядывать в будущее и пытаться понять, что к нему ведет, высказывали как те, кто активно и даже яростно поддерживает избранный руководством России курс во внутренней и внешней политике, так и те, кто категорически не согласен с ним, а также те, кто просто живет жизнь и никакими курсами принципиально не интересуется.

Поначалу это казалось эдакой особенностью момента, чем-то поверхностным и не сильно важным. Но для очистки совести мы стали чаще и чаще спрашивать людей о том, насколько им в принципе комфортно говорить о будущем. Тут-то и выяснилось, что с представлениями о возможности будущего существуют серьезные проблемы.

Именно так:

на наши настойчивые вопросы о том, как они представляют себе свою личную жизнь через пять-десять-пятнадцать лет, наши собеседники, пусть и с трудом, пусть и после бесконечных подбадриваний и прочих методических ухищрений, все же отвечали, а вот любые попытки с предложениями подумать, пофантазировать о будущем в свободной форме раз за разом проваливались. Регулярно звучала фраза «как будто там черная дыра».

Параллельно мы говорили о том же с коллегами и знакомыми, экспертами и друзьями и обнаруживали приблизительно ту же картину: аналитически, сценарно обрисовать то, что может ждать нас, страну и мир впереди, от случая к случаю получалось, но в преддверии и в конце каждого разговора возникало личное предупреждение о том, насколько труден такой разговор в сегодняшних обстоятельствах.

Потом мы получили письмо от одной из наших читательниц, которая написала, что ей кажется, что с ней что-то не так, что она совершенно не чувствует в себе ни эмоциональных, ни ментальных сил думать о том, что будет в будущем и будет ли будущее в принципе. А потом еще одно такое же письмо. И еще. Стало понятно, что мы оказались в ситуации, когда мы и должны продолжать разговор о будущем, но и вместе с тем просто обязаны уделить внимание феномену «невозможности

будущего», тому ощущению, которое возникло у множества россиян, людей, живущих рядом с нами, людей, от которых, собственно, и зависит то, каким будет это будущее, да и непосредственно путь к нему.

Мы решили посмотреть на эту проблему со всех возможных сторон, дать слово тем, кто в нее вглядывается профессионально и кто ощущает ее непосредственно внутри себя. А также тем, кто, кажется, нащупал способы жить с этим ощущением, жить и двигаться дальше, к тем, кто не боится описывать трудные, сложные, порой безнадежные чувства и мысли о будущем и его ускользающем образе.

Спойлер: если вам кажется, что будущее невозможно, проблема вовсе не в вас. Просто такие времена.

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

1. Установка: «Не думать о будущем»

Когда-нибудь, лет через десять или двадцать, ученые и исследователи разными хитроумными методами смогут, наверное, разобраться с тем, что именно случилось с представлениями россиян о себе и своем будущем ранним утром двадцать четвертого февраля двадцать второго года. То, что оно точно случилось, даже самые отъявленные оптимисты и железобетонные охранители отрицать вряд ли будут.

Страна сначала замерла, а потом разнонаправленными потоками растеклась кто куда. Кто-то стремительно рванул в сторону дальних границ, кто-то начал медленно ползти в сторону ближних, кто-то кинулся кричать «ура» и шагать в ногу, кто-то приготовился плести маскировочные сети, а кто-то зажмурил глаза, крепко задраил люки и приступил к ожиданию, что там дальше будет.

А дальше у всех все было совершенно непонятно, и эта непонятность была абсолютно объяснима.

Когда группа людей, состоящих при власти, в одно мгновение перечеркивает напрочь твои вчерашние личные жизненные планы, трудно сохранить веру в то, что ты можешь хоть что-то спрогнозировать на завтра. Как на личное и бытовое завтра, так и на длительное и общее.

Невозможно было не заметить, как параллельно с этим официальные новости, да и вообще все официальное старательно строили свою повестку так, чтобы законсервировать внимание, а значит, и мысли людей в текущем моменте, в том, что можно считать настоящим, но не далее. Все крутилось вокруг как специальной военной операции, так и всего ей сопутствующего (плюс много-много-много древней истории), и не наблюдалось, да и не наблюдается никаких даже малейших попыток хотя бы заикнуться о том, а что, собственно, будет после того, как закончатся военные действия, как и чем страна и люди в ней будут жить дальше. Максимум говорилось о том, что все будет не хуже, чем раньше, будем развиваться куда и до этого развивались, надо лишь вот сквозь санкции пробиться да всякие требования военного момента преодолеть. Никакого образа будущего за пределами предложенных обстоятельств, где во главе угла стоит решение внешнеполитических задач, не предлагалось и не просматривалось. Ни сразу, ни через год, ни через два.

А на третьем году стало понятно, что в общественном представлении сложилось как

бы три варианта будущего.

Первый вариант — исключительно личный, связанный с семьей и бытом, теми обычными действиями и потребностями, которые существуют в режиме день за днем, где максимальное удаление находится в радиусе понятных, ясных ориентиров: выплата ипотеки, поступление детей, пенсия.

Второй — коллективный, привязанный к главной теме текущих дней, где все измеряется сроками до прекращения огня, затем перемирия, а потом, возможно, мира.

И третий — тоже коллективный, слегка опрокинутый в прошлое, но шершавым языком официоза расписывающий будущее так, как будто оно остановилось зимой двадцать второго, потопталось на месте, прилаживаясь к обстоятельствам, и дальше само собой пошло строить новые квадратные метры жилья, повышать надои, мостить дороги и выполнять прочие параметры, заложенные в давно подзабытых майских президентских указах: живем как жили, не стоит отвлекаться и заморачиваться.

Хитрые опросы фиксируют интересный разброс представлений о будущем, неопределенность которых пусть и пытаются слегка замаскировать, но которая все равно отчетливо проявляется.

Вот в январе 2025 года нам сообщают, что когда люди слышат слово «будущее», они действительно в большинстве своем думают именно о том, что ждет их лично или их близких (39%), об изменениях в жизни страны думает 21%, а о чем-то совсем фантастическом — 6%. Две же равные доли респондентов в 17% заявили, что они либо вообще затрудняются ответить на такой вроде бы простой вопрос, либо сказали, что они это будущее просто не могут себе представить, настолько оно кажется далеким и непонятным.

Если их объединить вместе, поскольку они ведь на самом деле об одном и том же, то вариант о непредставимости, неуловимости будущего выйдет почти вровень с самым популярным вариантом о личном будущем. Выходит, что очевидным образом спектр представлений о будущем раскладывается на два весомых большинства: «кокон личного» и «черная дыра», и на значительно меньшую группу тех, кто видит некую большую картину.

Это все тем более интересно, что все остальные опросы показывают, что в целом и общем россияне как будто не испытывают никаких особо тяжелых чувств в отношении своего будущего: на вполне сносных, пусть и не самых высоких уровнях держатся показатели того, насколько они уверены в своем завтрашнем дне, и того, кажется ли им жизнь в этом предстоящем дне более симпатичной, а также прочие показатели усредненного социального спокойствия.

Тем удивительнее тот факт, что, когда углубляешься в детали, когда переходишь к личным разговорам, эта благостная картинка распадается, подергивается рябью тревоги, и выясняется, что да, там, где про что-то личное или семейное, то оно еще более ли менее сносно и предсказуемо, да и то не у всех. Просишь это «сносно» нарисовать, и оно у двух из трех человек отчетливо прорисовывается незамысловатым рисунком, как будто из детских воспоминаний: домик с треугольной крышей, солнышко, облачка, дерево, штатетник, пара-тройка человечков, плюс иногда собака. Или кошка.

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Задаешь вопрос: «А как же страна? А что в стране? В мире?» — и нет ответа: ни словами, ни рисунком. Лишь кто-то нарисует контуры страны без чего-либо явного внутри: кто-то танк, кто-то самолетик, улетающий на Запад, а кто-то ядерный взрыв. Определенная неопределенность.

Задаешь вопрос, отчего оно так, почему не угадывается что-то вне пределов личного домика, личного заборчика, и наиболее частым ответом слышишь, что как тут что-то загадаешь, когда ничего не понятно. Уточнишь, что как же, вот рапортует же нам руководство, что все под контролем и что все движется в нужном направлении, на что все послушно покивают, но на том и свернут тему. Обожглись уже.

Говоря о любых темах, касающихся будущего, крайне сложно отделить себя как наблюдателя и исследователя от себя же как тоже обычной россиянки, живущей здесь и сейчас, и тоже кое-как протиснувшейся под той утренней упавшей плитой.

Личный опыт проживания моментальной утери того, ради чего стоит двигаться вперед, расцветивает изучаемый опыт других людей бесконечным количеством оттенков узнавания.

На этом узнавании порой удастся установить вроде бы иначе немислимый контакт даже с теми, кто вполне доволен тем, что российские войска километр за километром занимают территорию соседней страны.

Моим самым острым личным воспоминанием февраля двадцать второго года был короткий страшный утренний разговор со взрослым сыном, когда я «порадовалась», что мои родители не дожили до этого дня, а в ответ услышала, что не менее «радостно» то, что у меня не случилось обрести в этот безумный мир внуков, да и вряд ли теперь случится.

Как-то довелось упомянуть об этом, как будто к слову, в случайной разношерстной компании, возникшей на почве помощи бездомным животным. Одна из тамошних знакомых, которая в свободное время собирает посылки на фронт и всякими прочими способами являет деятельную поддержку генеральной линии, моментально отозвалась: так и я рада, что мои не дожили, не перенесли бы они этого. Другая же, со сходными взглядами, добавила: и мне мои дети сказали, что с детишками торопиться пока не будут, мало ли что. Не могла не воспользоваться возможностью и спросила: так а что же тогда дальше? Получив в ответ: «Бог даст, разберемся». Бог. Или президент?

Выходит, что настоящее, этот наш текущий момент, в котором мы все сегодня перетекаем из дня в день с разной степенью осмысленности, как будто и является для многих, если не для большинства, сконцентрированным в моменте вариантом будущего. В котором мы что-то делаем, что-то говорим, что-то даже планируем, но за пределы этой капсулы понятного и предсказуемого наше представление о будущем не выходит. Потому что там, за пределами этого понятного сегодня, лежит что-то, что мы совершенно не в состоянии себе представить, исходя из того опыта, которым мы теперь обзавелись, и из тех вводных, которыми нас снабжает окружающий мир.

А мир этот на практически ежедневной основе не устает забрасывать нас всех

совершенным безумием, где привычное становится запретным, где то, что испокон веков было справа, перетекает влево и там с ним объединяется, где ценности, которыми ты привыкла руководствоваться в жизни, подвергаются публичному осмеянию и отвержению, где прошлое становится основанием для цензурирования настоящего и отмены будущего.

Поверх же всего этого почти официально сообщается, что

отныне хаос — наша стратегия, а страх — наше оружие. И с ними наперевес мы будем менять окружающий мир под некую идею, которая еще не вполне додумана, но представляется достаточно увлекательной, чтобы во имя нее гнуть судьбы миллионов.

Читайте также

Футуро-йок

Футуро-йок

Образ будущего — идея нового застоя, с твердой рукой, но и с потребительскими благами, сформировался на входе в XXI век

Вполне допустимо предположить, что в мире, которым правят хаос и страх и который их наделенные властью адепты намерены перекраивать согласно собственным представлениям о «прекрасном», будущее может действительно истончаться, может перестать быть чем-то, что возможно осознать и описать сколь-нибудь привычным набором слов и понятий.

Или ровно наоборот, когда люди, то ли расслабившись, то ли устав, то ли понадеявшись на лучшее или еще по какому-то недомыслию, добровольно позволяют тем, кто у власти, забрать себе все возможные полномочия и ресурсы для определения того, как им жить сегодня и куда им двигаться дальше (да и как понимать, трактовать прошлое тоже), они автоматически теряют ощущение, образ будущего за пределами того, что они могут хоть сколько-то контролировать лично.

И тогда, чтобы сохранить столь приятный для них расклад, сильные мира сего вместо заветной дверцы в светлый завтрашний день или вместо хотя бы ее симулякра, нарисованного на холстине, где обычно красуются возвышенные идеи и планы, вполне осознанно малюют на месте образа будущего черную воронку неопределенности, тем самым явно или исподволь давая установку не заглядывать слишком далеко вперед, ограничиваться лишь тем, что доступно здесь и сейчас.

Потому что если будущее не представимо, никому и в голову не придет попытаться его построить. Или побороться за него.

Футуро-йок

Образ будущего — идея нового застоя, с твердой рукой, но и с потребительскими благами, сформировался на входе в XXI век

Неуловимое будущее. Часть 2

Изображение

«При коллективном буйном помешательстве нет категории будущего — только настоящее».

Ханс-Магнус Энценсбергер «Взгляд на гражданскую войну», 1993

Минута молчания? Или пять минут молчания? Так или иначе, во время лекции в пятой поточной аудитории первого гуманитарного корпуса МГУ нас подняли с мест, и мы немного бесчувственно поскорбели. Совершенно не было ощущения конца эпохи — до такой степени монолитной, недвижимой и устойчивой казалась советская власть. Куда она могла деться? У нее было прошлое, настоящее и, безусловно, будущее, но такое же, как настоящее. Никакой сверхцели не просматривалось. Коммунизм уже два года как просрочен, вместо него состоялась Олимпиада-80, мы с папой ходили на невнятный футбол с участием команды ГДР, зато спустя меньше года случилась по-настоящему значимая, полный восторг, победа «Динамо» (Тбилиси) в Кубке кубков...

Наши плюралисты

Я был первокурсник юрфака МГУ, мне было 17 лет к ноябрю 1982 года, то есть кончине очередного Ильича, на этот раз Леонида Ильича, я уже вырос из серого с отливом костюма, который мне купили на выпускной. Жизнь в университете была страшно интересной, можно было ходить в библиотеку и много чего читать. Можно было ходить в театры и кино. Можно было начинать осваивать винный магазин в Столешниковом переулке с его кислым «Цинандали» и похожим на чернила «Мукузани». Самиздат и тамиздат еще не попадали в руки, но очень скоро попадут. При чем здесь скончавшийся Брежнев?

Горизонт планирования был совсем коротким, а будущее рисовалось примерно так же, как и у всех вокруг в моем пузыре: никаким юристом, разумеется, я становиться не собирался, а хотел писать — если не рассказы и повести, так хотя бы курсовую. Особенно мне нравилась критика буржуазных теорий государства и права. Под этим соусом можно было много любопытного прочитать. Особенно меня привлекло богатое слово «плюрализм», и я написал про это слово курсовую работу под руководством будущего народного депутата СССР и зампреда ЦБ, очень либерального и мыслящего человека Константина Лубенченко. В 1984-м прогремела статья Андропова в «Коммунисте» — никто из студентов не понял, а чего в ней, собственно, такого. Как ничего не поняли и не хотели понимать в «Капитале» Маркса на семинарах по политэкономии капитализма.

Будущее внезапно возникло на третьем курсе, весной 1985-го. Оно было заложником вечности, точнее, вечного настоящего. И выпрастывалось из него с большим трудом. Лидер читал без бумажки. Но «ускорение» напоминало очередной лозунг той же вечной партии вечного настоящего.

Можно было и дальше читать самиздат, смотреть кино, которое потом назовут «артхаусным», в окраинных кинотеатрах, сидеть в Ленинке и ИНИОНе, изучая буржуазные теории, не замечая внешних обстоятельств, ходить в модный «Театр на досках» под руководством альтернативного режиссера Кургиняна.

Что-то зашевелилось в 1986-м, раскрепостилась пресса, появился термин «новое мышление», на заседании кафедры обсуждалась моя курсовая о лоббистских практиках в США, и на ехидный вопрос кого-то из мухоморов, мол, неужели я готов утверждать, что лоббизм есть и в СССР, я ответил решительным «да». И мне за это ничего не было. Как ничего не было и за переписанное стихотворение Пастернака «Я пропал, как зверь в загоне...» на последней странице конспектов по истории политических и правовых учений. Но это личная заслуга тайного интеллектуала профессора Лейста, который всем ставил двойки и тройки, а мне поставил четверку. Вероятно, за Бориса Леонидовича.

Читайте также

«А тьма упорствует. Стоит и питается сама собою»

«А тьма упорствует. Стоит и питается сама собою»

Власть и элиты прекрасно понимают, что из молодежи вырастет иное будущее, чем насаждают и тщательно выращивают они
Время, вперед!

Горбачев Михаил Сергеевич дал стране будущее. То, чего у нее уже давно не было. С эпохи «Время, вперед!» и романтики замесов бетона. Затем с момента окончания Великой войны, которую многие вспоминали как время относительной свободы и неподдельного единства (Пастернак: «...предвестие свободы носилось в воздухе все послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание»). Но тогда будущее обвальное схлопнулось, обернувшись черной дырой страшных последних лет сталинщины, стилистически стоящих очень близко к сегодняшним зияющим высотам путинизма.

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Затем была хрущевская оттепель с будущим, оправданным отказом от Сталина ради Ленина, романтизированными «пыльными шлемами» прошлой революции, спутником и Гагариным, физиками и лириками, программой партии с философией догоняющего развития и обещанием коммунизма, с «Я шагаю по Москве» и «Заставой Ильича». Этот политический оттепельный «вервольф», будучи вывернутым наизнанку, обернулся отменой будущего в виде уюта и предсказуемости застоя. «Июльский дождь» пролился и превратился в тихие и скучные лирические драмы семидесятых (что важно — частная жизнь оказалась в фокусе), самой искрометной из которых была «Ирония судьбы» с ее социологией панельных домов для среднего класса из кварталов у метро «Юго-Западная». Титры фильма шли по дому, куда только что переехала семья моего лучшего друга.

И вот еще одно будущее забрезжило в 1985-м, а затем распахнулось, как сказочные ворота в «Буратино», — «гласность», «перестройка».

Наконец-то появились слова, которые Запад с недоумением и восторгом смог

подхватить — после «бистро», «спутника» и «Кхрустчцев». Россия вернулась — без устрашающей, искаженной злобой физиономии. Это был все еще социализм, но действительно с «человеческим лицом». И этому лицу поверили.

Это было будущее, которое безжалостно разбиралось с прошедшим временем, со «ждановской жидкостью» (ею забивали трупный запах, а публицист Юрий Карякин срифмовал ее со ждановщиной и сталинщиной), потому что иначе невозможно было сдвинуться с места.

В массовом сознании, о чем уже сегодня все забыли, идеал нормальной жизни приравнивался к жизни западной. Борис Ельцин стал символом движения в будущее с фундамента, созданного Горбачевым. Но и в противостоянии этому фундаменту, поскольку он предполагал сохранение социализма, а будущее уже связывалось с капитализмом.

Путь в будущее оказался труднее, чем это мнилось в первые эйфорические месяцы и годы. Закачалось и рухнуло гигантское, как сталинский дом, но и трухлявое, как и барак «на тридцать восемь комнаток», сооружение Советского Союза. Радикально изменились обстоятельства повседневной жизни. Завышенные надежды не совпали с реальностью. Кто-то предпочел горизонтальную географическую мобильность ожиданию благостного капиталистического завтра, то есть эмигрировал. Иные пересиживали транзитный период, кляня Гайдара и Америку и требуя возвращения назад, в прошлое, которое по мере продвижения в будущее становилось все более светлым. Другие воспользовались открывшимися возможностями и стали строить свое персональное будущее самостоятельно. Кто-то воплощал свои лучшие мечты и таланты, иные просто энергично работали локтями. Спирт «Рояль» заглушал ощущение потерянности в непредсказуемом прошлом и неясном завтра.

Единого будущего — процветающей демократии и удовлетворяющего все потребности капитализма, который в массовом сознании был чем-то вроде коммунизма, только без компартии, — не стало. Оно раздробилось на множество групповых и частных футурообразов. Чему способствовали и общие потрясения — от октября 1993-го и от чеченской войны до дефолта 1998 года. Каждый продолжал продираться в будущее через эти события на свой лад. И для иных будущее закрылось, накрыв их заботами о настоящем — проблемами выживания.
Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»
Возвращение матери Кузьмы

Новый образ будущего, точнее, идея нового застоя, с твердой рукой, но и с потребительскими благами, сформировался на входе в новый век. Что совпало с уходом Ельцина и ростом цен на энергоносители. Будущее было персонализировано в человеке с несколько усталым и не очень добрым лицом бюрократа средней руки. «Мочить в сортире» обещало стабилизацию с низко висящими плодами нефтяного благополучия, а также унаследованными от старого будущего, ставшего прошлым, правами и свободами, в том числе полезными для здоровья свободами передвижения людей, идей и капиталов. Демократия как нечто само собой разумеющееся в число ценностей не вошла, потому что ошибочно не считалась ценностью потребительской. Пробивавшийся сквозь риторику нового вождя привычный запашок казарменного сортира забивался западным ширпотребно-парфюмерным разноцветьем.

Будущее рисовалось в цинично-прагматических образах, причем укрепились матрица подражания Западу, только без его ценностно-демократических штучек. Они были отсеяны как ненужный хлам, как чрезмерная пафосная «вода» в тексте. Если уж модернизация, то авторитарная! У нас все западное, но этому же Западу в отместку за свой комплекс неполноценности мы покажем отросшую у нас на дрожжах ресентимента кузькину мать.

В результате аннулирования демократии авторитаризм получился, а модернизация не очень, хотя в бытовом плане у среднего класса все стало в целом хорошо. Часть общества тем не менее, в соответствии с теорией Сеймура Липсета, удовлетворив первичные потребности, захотела еще и люксового товара — демократии и политических прав, сменяемости власти. И вышла на улицы в 2012 году. На порыв власть сначала ответила театральной паузой, а затем репрессиями, твердо решив строить предсказуемое будущее только для себя, оставив обществу роль хорошо темперированной массовки.

Кого-то задавили, а кого-то, по сути, купили. И купленная часть общества, сохранившая потребительское благополучие, решила, в полном теперь противоречии с теорией Липсета, что как раз демократия-то и есть то, что совершенно не нужно, — и так все хорошо. Не надо ничего «расчесывать» — неплохо можно жить и при авторитарном режиме. Хотя к нему надо приспосабливаться.

А будущее... Ну будем считать, что оно уже наступило и желать больше нечего. В кои-то веки нужно просто жить. Существенная часть общества отказалась от титула «гражданское». Перестав быть гражданским, общество потеряло цель. Будущее, по определению социолога Льва Гудкова*, оказалось абортировано.

А кремлевским верхам и вовсе стало скучно, захотелось «движухи». Начали с Крыма, на волне успеха и энтузиазма продолжили в Сирии. Еле объяснили погрязшему в потреблении населению, зачем эта Сирия ему в принципе сдалась. Население стало выходить из счастливого анабиоза и наливать милитаристской мессианистической имперской злобой. Мы были унижены, надо показать Западу ту самую мать Кузьмы. Пользуясь при этом всем западным и проживая жизнь по-западному.

Кузькина мать обернулась ракетой «Орешник» и указала путь к новой цели — экзистенциальной битве с Западом и недостижимой победе над ним. Победе, уходящий за горизонт, как когда-то коммунизм. Вместо покорения космоса и мирной космической же гонки — новые приключения нового Мюнхгаузена в виде путешествия к центру Земли верхом на разрушительном «Орешнике».

Впрочем, на третьем году (не говоря уже о четвертом) спецоперации степень адаптации оказалась на столь высоком уровне, что как минимум высший средний класс научился сочетать правильное «патриотическое» поведение и способность получать под нечто «патриотическое» госзаказы с нескончаемой светской жизнью дофевральского образца. Тут, главное, не сорваться в формат «голой вечеринки» — и все будет хорошо. Число и размах корпоративов под новый 2025-й год достиг довоенного уровня.

Читайте также

Неуловимое будущее

Неуловимое будущее

Почему жители России не имеют представлений о том, что впереди, и даже отказываются об этом думать

Утрата золотого ключика

В сегодняшней России произошел хроноцид — убийство времени. Самого времени нет, не то что образа будущего. Горизонт планирования короткий. Те, у кого есть деньги, хотя бы планируют отпуск. В целом же представления о будущем ограничиваются надеждами на то, что завтра будет лучше, чем вчера. Собственно, в результате остановки времени упал и спрос на будущее — как у широких масс, так и у государства, как всегда ограничивающего свои представления о будущем версткой бюджета. А там сплошные «оборонные» расходы. Будущее — в прошедшем. Отсюда и чрезмерное внимание государства к вопросам истории и их мифологической трактовке. История битв с супостатами, побед и парадов — источник сегодняшней легитимности власти.

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Все это битва ретро-государства с будущим за прошлое. «Возвращение» земель — это исправление неправильно сложившейся истории. Вся политика — прикладной (во всех смыслах слова) учебник истории. Широко анонсированная архаика пошла гибридным походом на модерн и модернизацию, воплощенные в Западе. Тогда

что такое будущее? Его эталонная модель — Северная Корея, Венесуэла, Китай? Никогда с таким размахом не праздновали китайский Новый год, как в 2025-м в Москве, центр которой заливали красные китайские огни, а обилие гигантских бутафорских драконов создавало впечатление оккупации.

Растрачиваются ресурсы будущего, то есть молодое поколение, притом что именно на него хотели бы опереться геронтократы, превратив молодых в окопкратов. Пробиваются самые циничные, видящие в СВО карьерный лифт. Но карьера и деньги — это не будущее, это личная лестница куда-то вверх, хотя на самом деле она идет в сторону земной коры, — известно, что «Орешник» пробивает землю то ли на пять, то ли на девять этажей вниз.

Знакомый психиатр рассказывал, что в больницах много молодых людей-наркоманов, чья мотивация — жизнь одним днем без перспективы, потому что будущего, тем более в военных обстоятельствах, нет. Продажи антидепрессантов который год бьют рекорды.

Футурошок сменился футуройоком. Ворота будущего, когда-то открывшегося в середине 1980-х, накрепко заколочены, они снова занавешены нарисованным очагом папы Карло. А золотой ключик от волшебной двери утрачен. Или тщательно спрятан. Куклы возвращаются в театр Карабаса-Барабаса и убеждают себя в том, что им здесь будет лучше.

Невозможность — лишь иллюзия ума
Синдром отложенной жизни, как с ним справиться

Невозможность — лишь иллюзия ума
Новая газета
10–14 минут

В современном мире все больше людей сталкиваются с ощущением, что будущее перестает быть безопасным пространством возможностей. Исследования показывают рост пессимизма и тревожности среди россиян. Многие отмечают, что будущее стало менее предсказуемым, а экономические трудности усиливают чувство незащищенности.

Неуловимое будущее. Часть 6
Изображение

Санкции, повышение цен и изоляция приводят к снижению уровня жизни и росту недовольства, но при этом многие люди адаптируются, переходя к краткосрочному планированию. «Левада-центр»* фиксирует рост числа россиян, которые «не планируют ничего» (с 12% в 2021 г. до 27% в 2023 г.).

Социологи отмечают «синдром отложенной жизни»: люди откладывают брак, рождение детей, покупку жилья, потому что не верят в устойчивость своего положения. Все больше людей «живут одним днем», и чем дальше от столичных городов и чем меньше населенный пункт, тем заметнее эта стратегия. В 2022–2024 годах резко вырос спрос на краткосрочные кредиты и снизился интерес к долгосрочным накоплениям — люди перестали верить в стабильность.

Несменяемость власти создает ощущение, что перемены невозможны, а значит, и будущее остается застывшим. Это приводит к апатии и чувству беспомощности.

Три года военных действий в Украине также вызывают у части населения усталость и разочарование, а у части усиливающийся кризис идентичности. Людям все сложнее отвечать на вопросы: «Какое будущее я хочу для своих детей?»

Все это создает эффект «невозможного будущего», когда завтрашний день кажется не просто туманным, но и пугающим. Это состояние — не просто реакция на внешние обстоятельства, но и глубокий психологический феномен, который влияет на коллективное сознание и индивидуальные стратегии выживания.

Как показывают исследования социолога Любови Борусяк, «главными чувствами... стали беспросветность и безнадежность». Кроме того, будущее кажется не результатом осознанного выбора, а чем-то, что «случится» вопреки воле людей. Такая утрата контроля и чувства «авторства своей жизни» приводит к тяжелым психологическим состояниям, повышенной фоновой тревожности, апатии и депрессии.

Будущее как психологическая опора и надежда

При этом человек — существо, ориентированное на будущее. Мы строим планы,

ставим цели и живем в ожидании того, что завтра будет лучше, чем сегодня. Это чувство особенно усиливается перед Новым годом, как опять же показывают опросы «Левада-центра»: «предновогоднее настроение у преобладающей части россиян, согласно их собственным высказываниям, оказывается «ровным и спокойным» (так отвечали 67%). 13% опрошенных даже сказали, что у них «настроение прекрасное». Другими словами, 80% россиян живут довольные собой и своей жизнью.

Можно сказать, что большая часть россиян «привыкла» к политическому контексту, и спецоперация стала частью рутины, привычным предметом повседневности. Обилие информационного контента, изобилующего тревожными новостями, когда политические новости превратились в увлекательный триллер-сериал, также создает информационное выгорание и «усталость сострадать».

Есть растущая пропасть между уехавшими и оставшимися, для первых эмиграция часто сопровождалась потерей социальных связей, дауншифтингом, прекарностью и необходимостью начинать жизнь заново.

Для вторых идеологический разрыв становится предметом непонимания, раздражения и порой нежелания продолжать диалог.

При этом массовая эмиграция — все же важный фактор, который усугубляет ощущение «невозможного будущего». Уехали не только друзья и коллеги, но и часть социальной реальности, которая раньше казалась незыблемой. Для тех, кто остается, это становится дополнительным источником стресса: они чувствуют себя оторванными от привычного круга общения и теряют опору в виде поддержки близких.

Фото: Наталья Сергеева / Коммерсантъ

Фото: Наталья Сергеева / Коммерсантъ

Но и к тому, что еще три года назад было стрессом, ужасом и катастрофой, происходит постепенное привыкание. Как в той притче про лягушку в кипятке: если лягушку кинуть в горячую воду, она сразу выпрыгнет, а если в холодную, которую начать медленно нагревать, то она будет привыкать и постепенно сварится. Опора на смысл в условиях кризиса

В таких условиях особенно актуальным становится подход Виктора Франкла, основателя логотерапевтического подхода в психотерапии. Франкл утверждал, что даже в самых тяжелых обстоятельствах человек может найти смысл, который поможет ему выстоять.

В контексте «невозможного будущего» это означает, что важно сосредоточиться не на том, что мы не можем изменить, а на том, что ценно для нас и как мы можем реализовывать свою жизненную миссию.

В последние годы я регулярно вспоминаю его знаменитую цитату: «Первыми сломались те, кто верил, что скоро все закончится. Потом — те, кто не верил, что это когда-то закончится. Выжили те, кто сфокусировался на своих делах, без ожиданий того, что еще может случиться» (сноска 1).

Например, смысл можно найти в поддержке близких, волонтерстве и помощи людям (и животным) в тяжелых обстоятельствах, в творчестве, в профессиональной

деятельности или даже в простых повседневных ритуалах, которые приносят радость.

Мне очень откликается принцип Франкла «Духовное не болеет» — для меня это про то, как на очень глубинном уровне у нас всегда есть на что опереться, и для меня это очень перекликается с идеей про «изначальную хорошест» (basic goodness) — важным концептом буддийской практики, означающим, что в каждом человеке всегда есть его лучшие качества — любящая доброта, мудрость и осознанность, и надо лишь уметь помнить об этом и обращаться к этим качествам.

Франкл также подчеркивал, что страдание само по себе не лишено смысла, если человек находит в нем возможность для личностного роста. Этот тезис иллюстрируют истории многих людей, преодолевших тяжелые обстоятельства, связанные с физическими особенностями, болезнями, катастрофами или горем и утратой, и тем не менее живущих для мира и людей. Это примеры Стивена Хоукинга, Ника Вуйчича или история Жана-Доминика Боби, полностью парализованного после инсульта, легшую в основу его книги «Скафандр и бабочка», которую он надиктовал, моргая левым глазом.

Все эти удивительные примеры человеческого мужества и преодоления сложных обстоятельств дают много надежды и сил справляться со страшным и неопределенным будущим. Для многих россиян сегодняшние испытания могут стать поводом для переосмысления ценностей и поиска новых жизненных ориентиров. Ориентированный на решение подход: маленькие шаги к большим изменениям

Еще один подход, который может помочь в условиях «невозможного будущего», — это «ориентированная на решение» терапия (ОРКТ, или SFBT). Ее основная идея заключается в том, чтобы сосредоточиться не на проблемах, а на поиске решений, даже если они кажутся совсем маленькими шагами или кажутся совсем не связанными с проблемой. Вместо того чтобы задаваться вопросом «Почему все так плохо?», ОРКТ предлагает спросить: «Что я могу сделать по-другому, чтобы улучшить свою ситуацию?» На русский язык сейчас переведено несколько хороших книг по ОРКТ с практическими рекомендациями.

Этот подход особенно полезен в условиях, когда глобальные изменения кажутся недостижимыми. Например, вместо того чтобы думать о том, как изменить всю страну, можно начать с малого: улучшить отношения в семье, найти новое хобби или помочь кому-то в своем окружении. В ориентированном на решение подходе важно сохранять авторскую позицию в жизни, пробовать открывать «разные двери», сосредоточиться на своих сильных сторонах и на том, что уже получается делать для изменений. Эти маленькие шаги не только создают ощущение контроля над своей жизнью, но и постепенно формируют новую картину будущего.

Непостоянство: буддийский ответ

В буддизме есть важный концепт «непостоянства», подразумевающий, что ничто не остается постоянным, стабильным и предсказуемым, и такова природа жизни, — очень схожий с гераклитовским «Нельзя дважды войти в одну реку».

В этом контексте «невозможное будущее» — лишь иллюзия ума, цепляющегося за стабильность. Будущее еще не наступило, а значит, оно не может быть «невозможным» — только непредсказуемым. Вместо страха перед неопределенностью можно развивать гибкость, осознанность и принятие — ведь

даже кризисы открывают новые пути. Как говорил дзен-буддийский учитель Тит Нат Хан, политический беженец из Вьетнама, основавший буддийскую деревню во Франции: «Благодаря непостоянству все возможно. Если бы цветок не увядал, не мог бы распуститься новый».

Фото: Валентин Спринчак / ТАСС

Фото: Валентин Спринчак / ТАСС

Коллективное будущее: от безнадежности к надежде

Хотя индивидуальные стратегии выживания, такие как поиск смысла или фокусировка на небольших решениях и шагах, помогают справляться с тревогой и неопределенностью, важно не забывать о коллективном измерении. Будущее — это не только личные перспективы, но и общее пространство, которое формируется усилиями многих людей.

В противоположность концепту «коллективной травмы», которая довольно популярна для описания обществ, сталкивающихся с тяжелыми потрясениями, можно предложить идею коллективной солидарности. В частности, заниматься укреплением горизонтальных связей: созданием и усилением сообществ взаимопомощи, профессиональных сетей, культурных проектов как способ сохранить агентность. А также создавать альтернативные нарративы — новые образы будущего вне официальной риторики (например, локальные инициативы, независимые СМИ).

В условиях, когда глобальные изменения кажутся недостижимыми, важно находить точки соприкосновения с другими. Это может быть участие в локальных инициативах, поддержка тех, кто оказался в трудной ситуации, или просто открытый диалог с близкими. Даже небольшие шаги на уровне сообществ могут создавать ощущение, что будущее все еще возможно — пусть и в иной форме, чем раньше.

Заключение

«Невозможное будущее» — это не приговор, а вызов. Оно требует от нас пересмотра привычных ориентиров и поиска новых способов жить в условиях неопределенности. Важно помнить, что даже в самых тяжелых обстоятельствах можно найти смысл и искать маленькие практические инструменты для постепенного улучшения качества жизни.

Будущее — это не только то, что происходит с нами, но и то, что мы создаем сами. Даже в условиях кризиса есть возможность для роста, солидарности и поиска новых путей. И возможно, именно в этом и заключается главный смысл «невозможного будущего» — оно заставляет нас переосмыслить, что действительно важно, и найти в себе силы двигаться вперед, несмотря ни на что.

Ирина Костерина

Планирование будущего — спасательный круг

Это надо делать, но короткими перебежками, а если с дальним прицелом — то с легким сердцем: сорвется — ок, еще что-то придумаю

Планирование будущего — спасательный круг

Новая газета

11–15 минут

НЕУЛОВИМОЕ БУДУЩЕЕ

Изображение

«Все лучшее у тебя впереди»... Это одна из моих любимых присказок, к которой я обращаюсь каждый раз, когда речь заходит о будущем, о его предвидении или планировании. Нет, это не оптимистичная мантра для поднятия духа, а ироничный, если не сказать, анекдотичный взгляд на будущее из байки про гадалку, которая имела бешеный успех у клиентов, так как никогда не ошибалась и давала надежду. Ее звездным методом, собственно, и было заклинание «все самое лучшее у тебя впереди», что удовлетворяло любого из ее клиентов: и тех, у кого до этого все было хуже некуда, а тут тетка, в дУхах и туманах, с хрустальным шаром, уверенно обещающая лучшее, и тех, у кого и так все было отлично, а им посулили еще «более лучшее». Проверить было невозможно — неопределенность того, когда же это «впереди», и того, а что именно «лучшее», не давала шанса уличить гадалку в обмане.

К будущему я всегда относилась и отношусь с оттенком усталой обреченности — я не верю в «сбычу» любых, даже самых надежных конструкций построения будущего. Хотя, если задуматься, в разные периоды жизни некое сознательное продумывание последующих шагов/этапов/действий на будущее, конечно, присутствовало, отличался лишь горизонт планирования. Как теперь думается, прямо пропорциональный возрасту, опыту и месту.

Сейчас ничего я не боюсь больше, чем будущего, не потому, что оно мне неизвестно, — увы, известно, а скорее потому, что выглядит не так как мне хотелось бы.

В молодости слово «будущее» даже не водилось в словаре, я никогда не продумывала ни карьеру, ни семью, ни даже отпуск заранее. Порхала бабочкой из одного дня в другой, с максимальным горизонтом планирования — ближайшая пятница.

Впервые понятие будущего стало мелькать в мыслях с рождением сына, появление которого, как и замужество, я совершенно не планировала — случайно получилось. Но когда появилось, то здесь уже было без вариантов: планы о крыше над головой для семьи, о детских садиках, о выездах на море, о врачах и прочих оргвопросах, требующих продумывания, стали неотъемлемой частью сознания. Первым осязаемым и осозанным вкладом в будущее стало проектирование и постройка дома с тремя детскими спальнями, как бы тот самый задел на завтрашний день (предваряя — разумеется, не сбывшийся). Впрочем, даже тогда дальность полета не превышала максимум год-два. Хотя мантра гадалки никогда не выпадала из головы, все еще оставаясь в оптимистическом спектре, т.е. в некоторой смутной беспечной

уверенности, что лучшее до сих пор впереди.

Читайте также

Вавилонская башня 2.0

Вавилонская башня 2.0

Ощущение такое: будущего — нет, а я основатель и единственный член секты свидетелей потопа

По всем канонам, дальность полета мысли должна была увеличиваться пропорционально обрастанию детьми, продвижению карьер и прочим бытовым и социальным якорям, которые побуждают и способствуют (в условиях мирного и стабильного ареала проживания) желанию планировать на перспективу. Но именно за то я и боюсь, не люблю мыслей о будущем и отшучиваюсь на любые попытки его предсказать или распланировать анекдотичной мантрой, что оно имеет привычку чаще не сбываться, чем сбываться.

Если в историческом масштабе черный лебедь прилетает редко, то в масштабе отдельно взятой судьбы эти лебеди порой летают стаями.

В моей судьбе первый лебедь прилетел с «делом ЮКОСа» и вынужденной эмиграцией, случившейся ровно в тот момент, когда я еще обставляла будущие спальни будущих дополнительных детей и искала плафоны на лампочки Ильича в свежестроенном доме. Внезапный отъезд, маленький ребенок, безработица и новая, хотя и прекрасная страна, как назло, буквально созданная из искусства планировать и следовать планам неукоснительно — вот такой набор исходных данных случился практически в одночасье, выбросив из комфортного прошлого в незапланированное будущее.

И все это на фоне абсолютной растерянности и неизвестности относительно продолжительности вынужденной эмиграции. Главным вопросом к братьям по «счастью» было — как думаете, год-два? Когда наиболее пессимистичные говорили «три года», состояние приближалось к обморочному. А как же планировать, откуда ни возьмись, вертелась в голове мысли. Немедленно захотелось уверенности в будущем. Хотя, казалось бы.

Фото: Агентство «Москва»

Фото: Агентство «Москва»

Пожалуй, это был самый первый сознательный ужас перед тем, что будущего нет. Не потому, что нам грозила опасность, а потому, что мы не знали, что будет дальше, где и когда. Еще один пазл в мозаику моего понимания будущего — эпизодичный диссонанс: когда ничто не предвещает беды — об отдаленном будущем не особо задумываешься, а о ближайшем — в рутинном порядке, в пределах надежного и легко выполнимого. А когда все привычное рухнуло, мозг лихорадочно начинает вспоминать ранее не сильно затруднявшие вопросы о будущем, которое теперь срочно хочется распланировать. Более того, не просто хочется, а необходимо!

Впрочем, по мере привыкания и осознания (чуть более позднего, чем надо было бы), что временное закончилось — началось постоянное, научились и планировать наново — жизнь и ареал заставили. В Великобритании без намеченного будущего

никак. Ребенок в утробе — вносите его в лист ожидания в начальную школу, в начальной школе — начинайте выбирать старшие школы и готовить его к поступлению, параллельно продумывая университет и специальность. Отпуск? Сразу на три года вперед. Строите карьеру? Заранее планируйте свою биографию так, чтобы, если на подмастерье, она должна быть чиста как белый лист — любой опыт зачтется как чрезмерная квалификация, а если на специалиста — то опыт должен быть (даже если вы только мантию студенческую сняли), но тютелька в тютельку — ни скиллом больше, ни скиллом меньше. Не распланировали заранее — удача в принципе начать карьеру.

Самым прочным узлом планирования будущего можно считать mortgage, займ на жилье, — горизонт планирования, предполагающий, что все эти годы будет работа, семья в том же составе, от десяти до двадцати пяти лет. Вот когда заживу! Справедливости ради, относительная стабильность мирной страны с устоявшимися веками законами, привычка в них верить и им следовать логично способствует уверенности в будущем и желанию его планировать. Что-то вроде:

выплачу моргадж, буду путешествовать, ходить по театрам, играть в бинго по субботам или продажам домик, уеду на пенсии жить во французскую деревушку, где все в разы дешевле (как очень часто практиковали британские пенсионеры до Брексита).

Но отдельно взятой судьбе иногда и стабильная страна не всегда помогает в этой уверенности. Не стану сильно углубляться в подробности, но среди лебедей был развод и страх, нет, не перед одиночеством, оно — счастье, а перед тем, справлюсь ли финансово — какую работу сможет найти немолодая женщина с огромным пробелом в карьере. Или взять поиск работы сыном — как раз, когда ты полагаешь, что у тебя блестящее образование, с высшими результатами и что тебя с руками оторвут, не глядя, лучшие работодатели мира, и ты начинаешь робкие шаги в сторону планирования будущего — тут тебя и настигает настоящее, точнее реальность в виде стаи лебедей под названием Брекзит, ковид, и «Спортлото», первые два — понятно, последний — работа, лишь опосредованно коррелируемая с образованием, а в целом чистой воды потеря.

Читайте также
Футуро-йок

Футуро-йок

Образ будущего — идея нового застоя, с твердой рукой, но и с потребительскими благами, сформировался на входе в XXI век

Отдельно стоящие страхи перед старостью, не в смысле увядания красоты, а в смысле полной немоги и зависимости от других — перед глазами мама в таком вот состоянии, или страхи в связи с отсутствием материальной стабильности, так как той же пенсии не положено ни на предыдущей, ни на новой родине. Как уж тут планировать будущее? Да и зачем? Будущее, ясное, как на ладони, пугает тем, что не радуется.

Поэтому выбираю возврат к корням, к привычкам юности с поправкой на ареал: горизонт планирования — билет в театр за полгода вперед, билеты на самолет за пару месяцев, вечеринка с друзьями за пару недель и так далее.

Конечно, это очень личностный и немного панический взгляд. В целом грех жаловаться на перспективы. Я как раз могу считать себя счастливым — какие бы личные страхи у меня ни были, мне повезло жить в более или менее приличном государстве, которое меня качественно полечит в случае тяжелой болезни (ну ок, попытается), которое не нападет (с долей вероятности 99,9%) на соседнее по желанию одного человека, которое не бросит меня на улице (приложит усилия), в котором относительно безопасно жить, которое я, в конце концов, люблю (не государство, а страну и людей) и в котором мне просто комфортно и привычно. То есть за большинство стратегических точек своего будущего я худо-бедно спокойна. Просто я его не планирую и все.

Что не скажешь о моих российских соотечественниках по обе стороны рубикона: многие оставшиеся внутри не знают, когда и за кем придут или куда прилетит БПЛА, уехавшие оказались не у дел — и я их очень понимаю, зная, через что они проходят сейчас. Кстати, мне теперь кажется, что планирование будущего в тех обстоятельствах, в которые сейчас поставлены многие думающие люди, суть спасительный круг. Вопрос — как все надолго — самый опасный и самый бесполезный, изнуряет мозг, иссушает душу. Дополнив все ту же мантру, хочется сказать: все не самое худшее у вас впереди, где бы вы ни были, если вы планируете! Детям школу/садик, себе учебу/самозанятость, медицинское обследование, отпуск, абонемент в театр на год — что угодно, на любой срок, поэтапно, но надо планировать будущее, хотя бы бытовое, исходя из того набора данных, которые есть сейчас.

Фото: Агентство «Москва»

Фото: Агентство «Москва»

Было ли лучше с планированием раньше? Не уверена, что знаю точный ответ. На поверхности вроде бы лежит некая закономерность: в тоталитарных ареалах будущее легко планировать, потому что оно предсказуемо, как смена сезонов. Что планировали наши родители, живя в СССР, — школа, институт/ПТУ, армия, семья, дети, работа, пенсия. Практически все это было незыблемо, за редкими аномалиями в виде бунтарей, диссидентов и прочих катаклизмов социальной и натуральной природы, как то: техногенные и другие катастрофы или мировая война. Хоть планируй, хоть нет, все равно все как у всех. А если нет, то читай выше. Но в разрезе одной судьбы опять же все могло быть по-другому.

Читайте также

Неуловимое будущее

Неуловимое будущее

Почему жители России не имеют представлений о том, что впереди, и даже отказываются об этом думать

Впрочем, есть подозрение, что в этой мысли (о тоталитарных государствах) где-то спряталась сова, которую ждет свой глобус. Мне вообще кажется,

что будущее и его планирование — удел или смелых, или безумных, или оптимистов, или авантюристов.

Ибо будущее зависит от всего сразу: от исторических событий и эпох, от страны, в которой живешь, и ее устройства, от твоей храбрости, от опыта, от энергии, от здоровья или от безбашенности. Слишком много неизвестных. Разве что в стабильной, мирной, невоенной, нереволюционной среде обитания будущее выглядит чуть привлекательнее и чуть более сбыточным.

Чего не скажешь о «везунчиках» россиянах, которые вот уже больше сорока лет как минимум не могут планировать ничего дальше «пятницы», не присев на дорожку, не сплюнув три раза, не взглядевшись, кто несет гроб с телом усопшего генсека, не получив зарплату мылом или мягкими игрушками, не промаявшись в очереди к банкомату лопнувшего банка или, того прекраснее, узнав в субботу, что все деньги теперь делятся на 100, не включив телек, чтобы увидеть «яусталямухожук», не проснувшись утром к новости о мобилизации, не услышав стук в дверь на следующий день после написания слов «нет войне» в социальной сети, и так до бесконечности.

Поэтому я за то, чтобы планировать обязательно, но короткими перебежками, а если с дальним прицелом — то с легким сердцем, типа, ну сорвется, ок, я еще что-то придумаю. Лично я так для себя и решила. Ибо лучшее — враг хорошего.

Оксана Паскаль

Будет как в прошлом

Прогноз социологов печален: христианская и исламская части мира еще долго будут охвачены фундаменталистскими тенденциями

Будет как в прошлом

Новая газета

10–14 минут

Автор разделяет с коллегами и с кем-то из читателей озабоченность тем, что у нас какие-то нелады с представлениями о будущем. Исследования, в которых приходилось участвовать автору, во многих случаях показывали, что в публике развитых представлений о будущем просто нет. Для автора, как и для коллег и единомышленников, это казалось не просто странным, но и угрожающим. Чем — скажем в конце.

Отсутствие в среде постсоветских людей концепций, мыслей, идей насчет будущего — дело далеко не новое. Еще в середине 1990-х годов Лев Гудков* дал этому феномену резкое определение: «аборт будущего». Причины такой квалификации этого феномена будут изложены ниже. Сейчас хочется завершить вводный параграф указанием на то, что люди, озабоченные отсутствием в обществе соображений о будущем или какими-то странностями в этих соображениях, безусловно, составляют незначительное меньшинство. И его объединяет и отличает от большинства, о будущем не думающего, не наличие представлений о будущем или дум о нем, а именно сама эта озабоченность.

Неуловимое будущее

Изображение

Еще одно предварительное замечание: все соображения об отсутствии представлений о будущем в российской публике касаются исключительно того слоя представлений или той модальности представлений и высказываний, которые назовем публичным дискурсом. Его мы отличаем от дискурса приватного. В публичном дискурсе высказывающийся или мыслящий субъект имеет в виду судьбу государства, державы, нации, общества — того большого «мы», к которому он себя причисляет. О его будущем, кажется, он должен бы думать, а не думает. Впрочем, известно, что он не считает себя способным влиять на эту судьбу или нести за нее ответственность.

В дискурсе же приватном человек, напротив, имеет в виду себя и свое ближайшее окружение, за которое он ответственность несет или разделяет. Это прежде всего семья. В отношении семьи, близких, их жизни вполне могут строиться и строятся планы, проектируется или ожидается то или иное будущее, нередко достаточно отдаленное — на 10–20–30 лет. Иногда реалии государственного существования как контекста по необходимости привлекаются для построения этих планов, но это не является выходом в публичный дискурс.

Что было с будущим в прошлом

Ленин, излагая родословную марксизма, поминал «социалистов-утопистов». Не находя для своих социальных построений места в окружающей их жизни, они

выносили их в другое пространство, пространство «утопии». Часто это было другое пространство-время — «будущее». Идея коммунизма была вынесена именно туда. Было ли «коммунизмом» или хотя бы «социализмом» то, что образовалось с Лениным и после на нашей земле и шире, — вопрос, который мы решать не будем. Но можем отметить, что идея будущего была в эту систему забита крепко. Как бы его ни называть, это был «государственный и общественный строй». Поскольку государственный, поскольку строй, постольку предлагаемые им представления о времени становятся обязательными, общепринятыми, неперенными. Как их часть — представление о будущем. Автор не собирается утверждать, что все население страны верило в коммунизм как светлое будущее. Можно было не верить в то, какое оно, но этим постулировалось само наличие будущего.

Фото: Евгений Павленко / Коммерсантъ

Фото: Евгений Павленко / Коммерсантъ

Политическое фиаско КПСС означало компрометацию идеи коммунизма как будущего, т.е. вообще идеи будущего. Но в обществе все пятидесяти-шестидесяти годы вызревала альтернативная идеология. Она зрела как очередная социалистическая ересь внутри коммунистической социальной доктрины и социальной организации.

В компартиях Франции и Италии (крупнейших в те годы), в компартии Чехословакии идея «хорошего», несоветского социализма, социализма с человеческим лицом, социализма демократического обретала доктринальные и организационные формы. В 1968 году советский социализм гусеницами танков пролязгал им свой ответ на мостовых Праги. В умах тех, кто в СССР с болью пережил эти события, идея демократического социализма, социалистической демократии стала избавляться от собственно социалистического компонента, трансформируясь в идею демократии как таковой, благо у нее было много вполне успешных живых примеров — демократические общества Европы. Чистая и удобная, спокойная и небедная жизнь...

И вот получилось, что едва прошел коллапс идей того будущего, которое постулировал и обещал советский госсocialизм, российскому обществу была предложена перспектива будущего демократического.

Оно мнилось совсем близким: «500 дней» — и мы уже там. Это будущее, которое, в отличие от социализма и коммунизма, даже строить не надо. Оно само получается,

обществу естественно стать демократическим, лишь только будут убраны конструкции старого социального порядка. Ну и если «войдем в семью европейских народов», станем «нормальной страной».

Автор не хочет обсуждать — мы ли сами не решились войти в «европейский дом» или нас не пустили, обманули. Факт таков, что демократическая перспектива помаячила и куда-то делась, демократическое будущее растворилось в какой-то повседневности, перестало быть будущим, не став и настоящим.

Для многих в постсоветской стране это произошло безболезненно и незаметно. Но не для всех. Нашлось составленное из совсем разных людей меньшинство, для которого осталось зияние, дыра на месте будущего. Они вопрошали, чтоб не сказать вопияли (но тихо). Их эмоции и передает жесткий диагноз «аборт будущего».

Читайте также
Неуловимое будущее

Неуловимое будущее

Почему жители России не имеют представлений о том, что впереди, и даже отказываются об этом думать
Что происходит с будущим в настоящем

Об этом автор знает из опыта десятков и десятков групповых дискуссий, проведенных им по всей стране за то время, которое мы согласны называть «настоящим». (За это время, за то, чем оно обернулось, многим современникам, и автору в том числе, надо бы нести ответственность перед всем миром. Правда, не знаем как.)

Так вот,

на протяжении всего этого «настоящего» времени приходилось отмечать отсутствие будущего в массовом сознании. Возможно, именно потому так много говорилось про «стабильность» апологетами строя.

Фото: Сергей Булкин / ТАСС

Фото: Сергей Булкин / ТАСС

А критиками говорилось, что правящей верхушке ничего не надо, кроме сохранения своих позиций. Потому-де и никакого будущего им не надо и они его никому не предлагают и не навязывают.

В эти благословенные годы респонденты на групповых дискуссиях закономерным порядком ничего не могли ни сказать, ни нарисовать, если их просили изобразить лучшее будущее для России. Кроме: «будет как сейчас». А худшее с готовностью представляли в двух-трех вариантах: ядерная война, то бишь конец света, гражданская война и распад России, что тоже есть конец света.

Правда, ближе к нашим дням стал появляться вариант благого будущего: мир, в котором есть только Россия. А больше никого.

Примечательно, что авторы таких версий их излагали с некоторым смущением, а объяснять, как пришли к такому видению будущего, отказывались. Это говорит о блуждающей в массовом сознании догадке, что такое задумано где-то «там», и нам это знать не можно.

Что будет с настоящим в будущем

Когда три года назад настоящее стало по-настоящему настоящим, представления о будущем резко конкретизировались. Во главе страны стоит тот, кто стоит во главе страны. По поводу политики внутренней от него ожидается больше строгости или жесткости. А по поводу событий и действий вовне страны появилось большое разнообразие вариантов. И хотя общее состояние массового сознания менялось за эти три года очень мало, воображения насчет будущего пережили несколько трансформаций.

Одним из главных вопросов относительно будущего был вопрос — сколько продлится СВО.

В самом начале этого периода частыми были ответы — «несколько месяцев», а то и меньше. Интересно, что частыми такие ответы стали и теперь. В них предчувствие того, что эти люди понимают под словами «победа России». А понимают они под этим не некие военные события, а морально-политический факт: Россия признана победителем. Или хотя бы считает себя победившей.

Но мы допытывались, как будет, по представлениям людей, выглядеть карта Европы в случае «победы России». Поначалу весьма нередкими были ответы в том духе, что надо «дойти до Лиссабона». Потом эта мысль ушла, но появилась другая: «Надо восстановить Союз». Ну не весь, но европейскую часть, то есть добавить Украину, Молдову и Прибалтику. Очень редко, но говорили, что восстановить надо Российскую империю. Это значило — еще и Финляндию.

Иногда особо образованные вспоминали Ялту и говорили: вот Сталину тогда отдали Восточную Европу, значит, она и должна быть нашей.

Фото: Евгений Разумный / Коммерсантъ

Фото: Евгений Разумный / Коммерсантъ

Ближе к нынешним дням картина будущего стала суживаться до представлений о том, что Россия прирастает четырьмя внесенными в Конституцию областями. Так полагает большинство. Реже, но довольно часто, встречаются идеи, что вся Украина, кроме Западной, отходит к России. Западную брать не хотят, боятся — «они ни за что не согласятся». Память о сопротивлении в тех краях вполне жива. (Правда, и про Центральную Украину поговаривают, что там «будут партизанить».) Насчет Западной Украины есть твердое убеждение, что ее «заберет Польша», либо «Польша и еще всякие другие раздербанят на куски, которые им раньше принадлежали».

Читайте также

Футуро-йок

Футуро-йок

Образ будущего — идея нового застоя, с твердой рукой, но и с потребительскими благами, сформировался на входе в XXI век

В самое последнее время появляются неясные идеи о присутствии США в Украине. Но в остальном в этих рассуждениях, как можем заметить, главным основанием для проектирования будущего является прошлое.

Кроме рассуждений о присоединении к России украинских и еще чьих-либо земель, никаких других идей о судьбах России в будущем в массовом сознании нет. Чем будет жить Россия, не думают. Если настойчиво спрашивать, то признают, что «от экспорта нефти и газа не уйти».

Приращения богатства от присоединенных территорий если и ждут (там уголь, там хорошие почвы...), то не скоро. В ближайшем будущем, наоборот, деньги будут уходить туда на восстановление.

А мы тут как будем жить? А так, как сейчас.
От автора

Автор хочет, пользуясь случаем, добавить несколько собственных соображений о будущем. По его представлениям,

та часть мира, которая связана с христианством и исламом как основами культуры, на ближайшие несколько десятилетий будет охвачена фундаменталистскими тенденциями.

Фундаментализм производит сходные эффекты и в постиндустриальных, и в доиндустриальных обществах, а мир все более будет являть их микс. Фундаментализм будет оформлять различные виды реакций обществ на бурные социальные трансформации последнего столетия. Сходство социальной подоплеки процессов в разных странах будет провоцировать рознь между ними, но также и создавать возможность союзов и объединений, которые сейчас кажутся немыслимыми.

Применительно к России автор с беспокойством отмечает, что процесс исчезновения феномена российской интеллигенции, отмеченный тем же Л. Гудковым (в соавторстве с Б. Дубиным) несколько десятилетий назад, подходит к завершению. А в этой связи встает вопрос: возникнет ли новая социальная сила, сложится ли новый социальный институт, чтобы взять на себя функцию воспроизводства и поддержания тех культурных структур, которые зовутся честь и совесть общества?

Думали туман

Три года назад мы утратили будущее. На что это похоже и есть ли надежда

Думали туман

Новая газета

11–15 минут

Неуловимое будущее

Изображение

Три года назад мы утратили будущее.

Не само, конечно, будущее. Оно неизвестно. Но его образ, ощущение, положение в пространстве — ту область, куда направляешь предчувствия, намерения, продлевая собственный нарратив в потоке общественного.

С 22-го года (две уточки) будущее словно перестало существовать. Вместо него встала плотная стена тумана. За этот барьер не забрасывались никакие зеленые усики, не в силах нащупать опору.

Тогда я стала собирать метафоры этой утраты образа будущего: как люди описывают чувство его отсутствия. Одна женщина описала это как жидкий бетон: ты с трудом движешься в сером и вязком, он уже начал тебя облеплять, но пока не успел схватиться, не застыл, не стал чем-то определенным.

Спустя три с лишним года событий и разговоров будущее не стало яснее, разве что в тумане задвигались большие тени, которые вскоре могут высунуться из него хвостом или хоботом.

Мы научились располагать собой на неделю вперед, приговаривая, что будущее никогда не существовало, мир всегда был полон неопределенности, в любую следующую минуту могло случиться что попало, просто раньше этот факт лучше удавалось игнорировать.

Будущее создается из прошлого и настоящего, его модель мы строим на устойчивом основании прежних конструкций. Непротиворечивая история, что мы о себе рассказываем, — основа нашей идентичности. Так устроено сознание: мы не можем существовать пунктирно, не должны прерываться как личность, нас мучают разрывы, мы заполняем лакуны достраиванием. Человек с болезнью Альцгеймера, с амнезией создает ложные воспоминания, объясняя себе мир и себя в нем, человек с синдромом Корсакова, чтобы справиться с дезориентацией, использует конфабуляции (говорит о вымышленных событиях, не случавшихся в его жизни), человек с шизофренией утрачивает логику мыслительного процесса, страдая от разорванной связи причины и следствия. Когда человек не знает ответа на вопрос, мозг не желает с этим мириться и компенсирует знания воображением.

«Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Грегор Замза обнаружил, что он утратил картину будущего».

Контекст, смысл и перспектива

Выстроенная на этих опорах история — сценарий, который помогает прогнозировать будущее и создает смысловую связь между отдельными событиями. Из этой особенности мышления и произошла драматургия с завязкой, кульминацией и развязкой: «История — это не бегство от действительности, а средство, которое помогает разобраться с хаосом бытия», — пишет сценарный гуру Макки. Лучше ужасная интерпретация, чем ее отсутствие.

Фото: Дмитрий Азаров / Коммерсантъ

Фото: Дмитрий Азаров / Коммерсантъ

Классическая драматургия строится на принципе «крючок–петелька», когда каждое действие влечет за собой определенные последствия, в сущности, это христианская модель воздаяния, или постхристианская, гуманистическая: добро побеждает, зло наказуемо если не физически, то внутренними страданиями.

Впрочем, драматургия случилась раньше христианства, но и из древнегреческой трагедии нам знаком механизм воздаяния, который автоматически включается после нарушения нормы, а также понятие рока. И после «смерти» сюжетного стержня «Бог», вокруг которого группировались события, с постмодернизмом и исчезновением упорядоченной системы мироздания, когда сознание, кажется, стало неструктурированным, механизм историй все-таки сохранился, мы не в силах расстаться с казуальностью.

Одной из причин «исчезновения будущего» кажется мне слом предыдущей картины мира, прежних оснований, точек отсчета, что лишает нас возможности возводить замки будущего не на песке.

Мы жили с определенным представлением о прогрессе человечества, о том, что, несмотря ни на что, мы движемся по гуманистичному вектору. Мир откатился в архаику. Им завладел случай, слепая игра запредельных сил, тенденции хаоса.

В лучшем случае — мы обнаруживали себя во фрагментах мифа, где герой не побеждает, как в голливудских фильмах, а проигрывает, как в трагедии, в худшем — в зыбком мире неочевидности добра и зла, где «все неоднозначно», никто не хорош, где схлопываются полюса противостояния, царит моральный релятивизм, а многие разумные эксперты, отстраняясь, кажется, от ужаса массового психоза, уходят в рационализации до степени конспирологии.

Читайте также

Будет как в прошлом

Будет как в прошлом

Прогноз социологов печален: христианская и исламская части мира еще долго будут охвачены фундаменталистскими тенденциями
Кино, литература и пророчества

Незадолго до, во время и после ковида в кино стал формироваться тренд на предчувствия неприятного будущего: «Паразиты» (2019), «Джокер» (2019), «Не смотрите вверх» (2021), «Достать ножи: стеклянная луковица» (2022), «Треугольник печали» (2022), «Меню» (2022).

Это было предчувствие слома миропорядка из-за восстания масс против богатых, сильных мира. Запрос на жесткую социальную справедливость. В результате чего синие воротнички и прекариат превращались в насильников и убийц, не обещая всем нам ничего хорошего.

Эти предчувствия попали в молоко. Мы видим обратную картину: как миром завладели самые богатые и властные, сосредотачивая в своих руках еще больше власти, всю власть, наши жизни, вводя коней в Сенат, отрицая собственные старение и смерть, массы же оказались ведомыми и страдают, как обычно, и хуже.

В отечественном поле правыми (во всех смыслах) оказались фантасты, которые много лет разрабатывали тему попаданцев, возвращения в прошлое, в СССР, что для фантастики, должной быть обращенной в будущее, выглядело странно. Но в связи с последними событиями это можно считать предвидением.

Будущее

Истинные поводы для этого отката не очевидны, и пока, мне кажется, непознаваемы, кроме того, что в их основе можно обнаружить страх. Им принято давать ряд объяснений: от патриархата, который обиженно не хочет сдавать сладкие позиции в социуме, изменения моделей семьи, до ужаса перед последствиями новой НТР и ИИ. Недавно Всемирный экономический форум опубликовал отчет «Будущее рабочих мест»: ожидается, что 39% существующих рабочих навыков будут трансформированы или устареют уже до 2030 года, а более половины работников предстоит пройти переобучение.

В эту коробку можно положить и переоборудование всей привычной нам со Второй мировой геополитики, системы сдержек и противовесов, и страх перед исламским миром (у правых), и экологическую повестку с глобальным потеплением и природными катастрофами (у левых).

Однако причин перечисляют так много, что всё, что можно из них вычленишь, это: 1) страх перед Другим и 2) страх перед новым.

Фото: Дмитрий Духанин / Коммерсантъ

Фото: Дмитрий Духанин / Коммерсантъ

Как биологическим существам, нам трудно принимать Другого, отличного от нас, и давать ему место в социуме и в нашей жизни. Мозг же настроен на избегание стресса, которым является, в том числе, любая новизна, перемена, начало обучения, трансформация, не дай бог, своего мнения, наше сознание не любит отказ от иллюзий, казавшихся константами, а оказавшихся мнениями, социальными конструктами. Многие истории, в которые мы свято верим, являются плодом коллективной фантазии.

Потенциально хорошая новость: моя психоаналитикесса, работающая в Вене, принесла мне идею, что апокалиптический дискурс «миру конец», «всюду одно и то же и везде плохо» и «будущего нет» развивается в основном в русскоязычной среде. Тут есть о чем подумать.

Не претендуя на статистику, я провела собственный опрос англоязычных интеллектуалов и нашла подтверждения этой гипотезе. С приходом Трампа в

Америке новостного хаоса стало больше, и все же, несмотря на шоки Dark Maga, вроде бы нет концепции отсутствия будущего — она распадается на множество векторов и опасений, мрачных предчувствий, но остается много планирования, иногда даже слишком много. При этом республиканцы направлены в прошлое, а демократы в будущее. В Британии строят планы на тридцать лет вперед, потому что так устроена вся система: налоги, инвестиции, ипотеки. Ковид нарушил привычный ход вещей, но прошел; пабу за углом двести лет, прадед там пиво пил, дед пиво пил, отец пиво пил и, если прилетят инопланетяне, я пойду туда и выпью за их здоровье. То есть не существует единого англоязычного нарратива, в каких-то его карманах и отсеках будущее есть, в других нет.

Следовательно, мы можем принять утешительную, как мне кажется, версию, что не мы прежде всех чувствуем отсутствие будущего, потому что его нет у человечества, но что представления о нем поломались непосредственно у нас. Не во всех странах политическая ситуация мешает либидозности и провоцирует мортидо.

А также можем поставить для себя галку о пользе ритуалов в повседневной жизни, когда сама устойчивость среды, повторения дают разуму опору.

Читайте также
Неуловимое будущее

Неуловимое будущее

Почему жители России не имеют представлений о том, что впереди, и даже отказываются об этом думать
Туман

Мне представляется, что, думая о будущем, мы склонны представлять его однозначным, в единой версии. Вторая хорошая новость может заключаться в том, что будущее — это веер возможностей, от худших до лучших и всех промежуточных вариантов.

Допустим, мы утратили прежние опоры и вектор. И как в дисфункциональной семье с непроработанными травмами, замеченными под ковер, вынуждены теперь оборачиваться на прошлое и проживать все его фрагменты одновременно, 17-й год, 37-й год, нарративы об Отечественной, 80-е, 90-е и опричнину... До тех, возможно, пор, пока мы не выведем их на белый свет сознания и не примем.
Фото: Алексей Романов / Коммерсантъ

Фото: Алексей Романов / Коммерсантъ

И все же коллективное слишком велико для проживания одним отдельным человеком, можно проработать личное, но нельзя переварить коллективное, при попытках оно начинает съедать тебя, а не трансформироваться.

По дороге к будущему, мне кажется, надо найти тропу между личным состраданием и коллективной эмоцией. Найти собственные опоры и ритуалы, в то время как случайно падающие новостные поводы только увеличивают чувство абсурда и, следовательно, беспомощности.

Нужно помнить о том, что будущее имеет спектр возможностей.

Что его отсутствие муссируется не в любой стране и не в любой языковой среде, но может быть нашим личным когнитивным искажением.

И выбрав для себя собственный шест, нащупывать тропу в болоте на следующий шаг, потом еще на один.

Своим шестом я выбрала историю из «Гадких лебедей» Стругацких:

«— Что вы там делали на этом перекрестке?

— Мы думали туман, — ответила Ирма.

— Про туман, — поправил Виктор. — Или о тумане.

— Зачем это — про туман? — сказала Ирма.

— Думать — непереходный глагол, — объяснил Виктор. — Он требует предлогов. Вы проходили непереходные глаголы?

— Это когда как, — сказала Ирма. — Думать туман — это одно, а думать про туман — это совсем другое... и кому это нужно — думать про туман, неизвестно»

(А. и Б. Стругацкие «Гадкие лебеди»)

Думаю, мы можем сделать смелый шаг в этот туман и ощупать его.

В сценарной работе я привыкла к большой степени неопределенности. Помимо плавающих сроков и гонораров ты должна уметь принимать, что придуманная тобой история, нарратив меняются постоянно, по желанию продюсера, редактора, из-за внешних обстоятельств, средств, производства или из-за твоих собственных новых идей. И герой — пожилой алкоголик-интеллектуал — в любой момент может стать маленькой слепой девочкой.

Принятие изменений, постоянная пересборка нарратива и психическая подвижность кажутся мне главными полезными навыками для нашего пока неопределенного будущего.

У меня есть надежда, что из наших индивидуальных тропок, нащупанных в болоте при помощи индивидуальных шестов, сложится в итоге общая торная дорога. Может быть, она даже приведет (за вычетом запрещенной в РФ эзотерики) к Эре Водолея, то есть не к ужасу, а к новому гуманистическому порядку.

Рекомендации к просмотру:

«Автостопом по Галактике» (2005)

«Догма» (1999)

Ася Датнова

Вавилонская башня 2.0

Ощущение такое: будущего — нет, а я основатель и единственный член секты свидетелей потопа

Вавилонская башня 2.0

Новая газета

15–21 минута

Неуловимое будущее

Изображение

У будущего есть много макроизмерений помимо микро-человеческого — достаточно почитать долгосрочные геолого-климатические, астрономические, демографические и прочие прогнозы. Имеются и многообразные анализы отдаленных экономических перспектив, и даже гигантская туманность геополитических предсказаний. Смотреть на все это из России-25 мило и забавно, но волнует несколько меньше, чем, скажем, великий сериал «Вавилон-5». Потому что в России теперь, по-видимому, нет будущего — его убили, украли, сломали, потеряли.

Короче всего это явление описывает легендарный твит «иноагента» Ройзмана*, его первая реакция на 24 февраля: «*** страну об стену». Таки об стену, и таки ***. Что, как мне кажется, еще ясней сегодня, чем с три с лишним года назад.

Дело не в том, что российскую экономику постигнет беда. Не постигнет, точнее, не такая, чтобы прямо вот лечь у стены с окровавленной мордой (отдельно отметим, что предсказания лютой катастрофы, сделанные три года назад многими экономистами, пока блестяще не сбылись). Трудности будут, но есть великие профессионалы, есть высокая адаптивность россиян к экономическим трудностям, (...) есть, в общем, у нас в этом месте неистребимость. (...) Некоторая изоляция России действительно постигла, но нефть и газ качаются в разные заграницы, а страданиями россиян, некоторые из которых (немногие) в результате санкций потерпели крах жизненных стратегий, а в результате военных действий — моральный крах, держава скорей упивается, наливаясь нездоровым румянцем.

И не в том дело, что тираны сожгут книги, запретят кино и спектакли, въедут в город на белых конях, сожгут гимназии и упразднят науки, введут пионерскую форму, молебны и телесные наказания — и тогда страна разрушится. Все это, похоже, вполне мирно в России приживется, как уже потихоньку приживается. (Кстати, первые 15 строк выдачи в гугле на «въехал в город на белом коне» относятся исключительно к песне певца Александра Малинина с полными саспенса строками «хотел въехать в город на белом коне, но хозяйка корчмы улыбнулась мне», я послушала — жуткая история.)

Без хороших книг самый читающий в мире российский человек жить вполне может, будет читать говно (есть опыт поколений опять же), куда естественным путем не переведутся граждане, склонные к чтению и предпочитающие его интерактивному мультимедийному контенту. Театры еще долгое время будут полны, даже если там будут показывать только «Повесть о настоящем человеке» (а если когда-то опустеют, туда будут пригонять зрителей по разнарядке). Науки не восстановятся, но можно и

без них, вопрос лишь в уровне притязаний. А пионерская форма и молебны вообще, как выяснилось, хорошо сочетаются, гармонично, как священник и гаубица.

И, паче чаяния, дело не в том, что в России отправят на фронт всех мужчин, посадят всех инакомыслящих и поэтому случится социальный взрыв (...). Если угонять мужчин постепенно, порциями, то все будет тип-топ (редких выдающихся недовольство родственников можно посадить к тем же инакомыслящим). К тому же мужчины и так идут, некоторые даже бегут, прихрамывая, (...) а войска — благодаря мудрым действиям властей в прошлом и в настоящем — оказались сегодня чуть ли не единственным надежным социальным лифтом для тех россиян, которым карабкаться приходится с минус пятого уровня.

Что касается политзаключенных, настоящих и потенциальных, то речь все же идет о социальной группе, количественно укладывающейся в рамки статистической погрешности и, к сожалению, очевидно не способной своей деятельностью или ужасной судьбой ни нанести ущерб режиму, ни воздействовать на него содержательно, ни пробудить политическое самосознание в широких народных массах. Даже, например, расстрелы на стадионах из каких-нибудь совсем дистопичных сценариев вряд ли смогли бы поколебать российский социально-политический гомеостаз, он прочнее трясины.

Чаемое уже который век гражданское общество когда-нибудь, возможно, народится и здесь, но не скоро, и то, если успеет до глобального либо потепления, либо оледенения.

И не в том дело, что вдруг случится, например, ядерная война с ее зимой или буквальное порабощение России условной Ордой. Такое либо никому не нужно, либо не нужно вообще никому.

То есть в целом дела у России норм. Проблемы есть, но ничего страшного, все как у людей, а то и получше, чем у некоторых. Сегодня даже не обязательно смиренно равнять свои показатели по Руанде, кое-что сходное можно не без удовлетворения отмечать уже и у самых благополучных и зажиточных соседей. Весь мир, в общем-то, показательно рехнулся.

Мои ламентации лишены какого бы то ни было бытового историзма, потому что он меня бесит. В настоящем я окружена умнейшими и много знающими людьми, которые в минуту жизни трудную готовы предложить мне сравнить наше текущее положение с периодами инквизиции, крестовых походов, великой чумы, большого террора, всеми революциями и так далее, вплоть до трагических страниц истории, описывающих хладнокровное истребление нежных неандертальцев подлыми сапиенсами. Все это — чтобы испытать облегчение и возрадоваться настоящему, мол, трава раньше была еще менее зеленой.

Фото: Екатерина Якель / Коммерсантъ

Фото: Екатерина Якель / Коммерсантъ

Я нахожу это предложение нелепым и оскорбительным примерно в такой же мере, в какой и предложение радикальных вокистов считать настоящее темными веками в сравнении с проектом стерильного общества всеобщего благоденствия. Люди, как известно, — порождения крокодилов. Однако мысль о том, что они уже научились лечить почти все, растить в человеке зуб, чинить генетические поломки, а также

летать к звездам и перерабатывать почти любое вредное в бесконечно полезное, а также порождать всякую немыслимую красоту (это не считая создания целой шайки молодых конкурирующих ИИ), но при этом продолжают ежеминутно убивать друг друга — дистанционно ли, автоматной ли очередью в лицо или даже в рукопашном бою — лично меня шокирует. Люди просто не заслуживают сами себя. Говорят, такими они были задуманы. Не знаю, не разобралась пока с этим, но такой проект мне не нравится. В общем,

пока в настоящем все идет дурно, но в целом неплохо, у меня, вполне благополучной гражданки великой страны, уже которое десятилетие триумфально встающей с колен, есть ощущение абсолютного отсутствия будущего.

Я даже не могу назвать имеющийся у меня сегодня образ будущего «черной дырой», у той есть хоть какой-никакой мультяшный визуал. Моего будущего просто нет, все как бы обрывается, горизонт планирования — сентябрь: как пережить три тонны антоновки в саду. Дальше — ничего.

Не исключено, впрочем, что отчасти тут наблюдается пресловутая защитная реакция психики, поскольку чисто возрастные мои характеристики как раз предполагают как минимум одну долгосрочную и совершенно конкретную перспективу — я должна буду многих похоронить. Всех-всех любимых, которые старше меня, включая первых в моей жизни котов. Это, конечно, так себе источник вдохновения и не очень воодушевляющая платформа для выстраивания жизненных стратегий. Но, в конце концов, именно этот, возрастной, аспект в целом универсален и поэтому может быть удален из уравнения. Интересно другое — мысль о будущем собственных детей упирается в тот же прозрачный обрыв, оно как будто стерто ластиком.

Читайте также
Футуро-йок

Футуро-йок

Образ будущего — идея нового застоя, с твердой рукой, но и с потребительскими благами, сформировался на входе в XXI век

Простейшее объяснение заключается, по-видимому, в том, что в настоящем уже проросли черты такого будущего, которое будущим назвать затруднительно. Это же прошлое, слегка отредактированное. А я не контрамот, я не умею жить, каждое утро просыпаясь во все более мрачное вчера. Как и многие мои сверстники, я предельно избалована привычкой жить в состоянии осмысленной надежды на все лучший мир. И если три года назад мудрое замечание старших товарищей в духе «юнкер Шмидт, честное слово, лето возвратится» еще казалось временами обнадеживающим, то сегодня зима представляется вечной, кажется, что в России наступило полярное вчера. Во всяком случае, пожелание «дожить» — до восстановления нормального хода времени — звучит среди нас все реже. Хорошо читать «День опричника» за чашкой кофе и сигаретой, жить в нем плохо и не хочется.

Даже если поставить себе утопическую цель «дожить», остается один непраздный вопрос: а до чего, собственно? До естественной убыли политических старцев? Звучит уже как программа-максимум, но есть ведь и кроме них обстоятельства. Старцы-то рано или поздно уйдут на свою монохромную радугу, но все те люди,

которые катались на лифте *** и чудом остались живы или полуживы, все те, кто плел им сети и делал свечи, все жены и дети преступников и садистов из ФСИН (даже если преступники будут в тюрьме, как им и положено), все взрослые, которые умственно и эстетически растлевали детей, все дети, поющие вместе с Шаманом, все, кто не умел думать и не учился этому, все, униженные и оскорбленные проклятыми англосаксами и их хрюкающими подсвинками, — все эти миллионы соотечественников никуда не денутся. Как никуда и никогда, собственно, и не девались. Просто мы их не видели, точнее, не смотрели в ту сторону. Конечно, интеллигентные россияне (бенефициары лихих 90-х) никогда вслух не обзывали таких людей *deplorables*, но черта с два ты обманешь человека словесной вежливостью.

Фото: Виктор Коротаев / Коммерсантъ

Фото: Виктор Коротаев / Коммерсантъ

В общем, по зрелом размышлении, никакая картина будущего у меня не складывается, наверное, потому, что я просто не вижу языка, на котором все эти ужасные/прекрасные люди могли бы договориться между собой о каком-то гарантирующем будущее минимуме — например, не убивать друг друга физически. Не говоря уж о большем.

Кстати, несмотря на вроде бы идущие полным ходом переговоры, я по-прежнему не вижу ни одного сценария окончания военных действий, потому что любой такой сценарий предполагает *non-zero-sum* подход. То есть не только наличие (отсутствующего) языка, на котором можно было бы договариваться, а еще и желание договориться как цель и ценность. А договориться — это все же не вполне то же самое, что нагнуть оппонента, загнать гадину в угол, посадить на бутылку, чтоб подписал признательные. Договоренность подразумевает обоюдное желание субъектов и божественный компромисс как результат. Не вижу предпосылок к этому божественному (...). Ни в России, ни в Украине, ни в Америке, ни в Европе. Это как раз не «конец истории» (над которым все уже поглумились), а какое-то ее дурное продолжение, это конец будущего.

Читайте также

Неуловимое будущее

Неуловимое будущее

Почему жители России не имеют представлений о том, что впереди, и даже отказываются об этом думать

Если обратиться к близкому мне измерению этой катастрофы, то могу описать его примерно так. Кажется, ни я (безработный бывший журналист), ни мои активно работающие коллеги, почти все находящиеся в вынужденном изгнании и/или на нелегальном положении и на грани выживания, не умеем, а в некоторых случаях даже и не считаем нужным обращаться ни к кому, кроме нас самих. Как и коллеги из независимых американских СМИ или европейских.

Практически все медиапространство сегодня — гигантский квартал эхо-камер, в каждой из которых происходит перекрестное опыление одной, присущей этой камере аудитории, бесконечный обмен взаимоудовлетворяющими нарративами,

бесконечно подтверждающими уже сформировавшуюся у обитателей этой камеры картину мира. Fox опыляет одних, NYT — других, «Медуза»* — третьих, Russia Today — четвертых и так далее.

Многие эхо-камеры делят одну и ту же аудиторию, расширить которую невозможно, не выйдя за пределы уже окостеневшего нарратива. Любая пчела, которая пытается лететь не строем, изучать или опылять чужие цветы, отвергается, осуждается и изгоняется, оставаясь одиноко жужжать среди бронированных оранжерей. Журналист, выбравший метод честной созерцательности, который неизбежно обнажает чудовищную сложность мира, немедленно объявляется «неоднозначником», оппортунистом, льющим воду на чью-нибудь (всегда нехорошую) мельницу, беспринципным, вредоносным и проч.
Фото: Дмитрий Ягодкин / ТАСС

Фото: Дмитрий Ягодкин / ТАСС

Сложность — не только как продукт, но и как феномен — решительно отторгается сегодня даже теми людьми, которые искренне и страстно пекутся о судьбах мира и на самом деле очень хотят сделать его лучше. Но похоже, что так не очень работает, мир не делается лучше, он делается отчетливо хуже, хоть и без бубонной чумы и публичного колесования (не везде, впрочем, и без).

То есть, казалось бы, люди научились CRISPR и снимать умные сериалы одним кадром, но разговаривать о своих ценностях и отстаивать их умеют лишь, размахивая окровавленной арафаткой или плакатом «Имейте совесть, твари!» (это настоящий такой был плакат, не устаю его вспоминать). Или бомбардировками, или терактами, или жестокими репрессиями, или «загоним крысу в угол», или «быдло», «реднеки», или «фашисты», «либерда», ну и так далее.

И ведь видно уже, что так точно не договориться. Никому и ни с кем. Поэтому, думаю, мне и кажется, что будущего просто нет. Единственное, какое я могу представить себе с достаточной степенью убедительности, настолько мрачно и безрадостно, что «отворотясь не нагладишься», как говорила моя бабушка. Это будущее напоминает кадры из одного документального фильма, давнишнего, довоенного — про работу волонтерского отряда «Черный тюльпан» на востоке Украины (не путать с афганским тюльпаном). Там все такое красивое и медленное — сумрак, туман, дождь, слякоть, графичные черные голые деревья, «буханка» с запотевшими стеклами переваливается в чавкающей темной колее, кругом пустынные поля. В «буханке» трясутся усталые люди, которые ездят по местам недавней боевой не славы, находят и эксгумируют беспорядочно разбросанные по родине человеческие останки, захороненные или нет, документируют их, бережно собирают в специальные очень черные мешки и отвозят в одну далекую лабораторию, продвинутый морг, где останки пытаются опознавать по украинской базе ДНК. С тем, чтобы родственники погибших в ходе ограниченных боевых действий в 2014–2018 годах могли обрести кости своих сыновей, мужей, отцов, братьев. И похоронить их наконец.

Примерно так из моего сегодня выглядит наше завтра. Только там теперь гораздо больше потерянных костей, провалившихся в безвестность имен и неопознанных могил. Только там еще и мины, тысячи и тысячи мин повсюду. И стертые с лица земли леса, города и села, на останках которых разрушители возводят новые-кленовые (...). И ненависть, в лучшем случае переходящая в следующих поколениях

в глухую вражду, с новым фольклором и эпосом с обеих сторон. И точно никакого non-zero.

И зачем, скажите, такое будущее? Приходится сосредотачиваться на настоящем, принудительно жить «в потоке», хоть в основном и дурных новостей. Правда, можно пока закаляться, учиться стоицизму и сложному искусству не сесть с тюрьмы, тщась сделать что-то полезное. Можно наперекор всему стараться разглядеть людей в прохожих, тренироваться задавать вопросы, ответы на которые тебе не известны заранее, можно пытаться сочувствовать всем без разбора, исходя из общей беды — совместного проживания в неуютно сложном мире.

И надо попытаться загодя пристроить в хорошие руки три тонны антоновки, желательно на корню.
P.S.

В день сдачи этого текста я вернулась с головокружительно джазового концерта. Обалдевшая от счастья, шла и думала, что джазовый джем — пожалуй, идеальная модель мира, потому что у людей внутри него есть общий язык, который и есть залог жизни. Автономные, свободные и очень разные граждане собираются иногда вместе и, оставаясь собой, создают совершенную вселенную, в которую еще и все окружающие втягиваются и начинают там жить, с ритмом счастья внутри. И это ведь история не столько про ноты, сколько про конвенцию. Отличная конвенция, вот бы и все так, — подумала я.

Но вернувшись, прочла огромный материал «иноагента» «Медиазоны» — про так называемый «процесс Азова**», который продолжается в Ростове-на-Дону. Рассмотрела фотографии оттуда.

Непостижимо. Совместить все это и не тронуться умом — задача с такой жирной звездочкой, что мне она, похоже, не по силам. Я тоже не справляюсь со сложностью, которую все же не могу и не хочу не видеть. В общем, не нужно мне такое будущее. Я основатель и единственный член секты свидетелей потопа. Извините.

Или?

Будущее неопределенно, но выбор каждого человека имеет значение для этого будущего

Или?

Новая газета

7–10 минут

НЕУЛОВИМОЕ БУДУЩЕЕ

Изображение

Я могла бы списать все на то, что будущее закончилось три года назад, как и для многих других, когда выяснилось, что моему поколению, и, увы, не только нам, придется пожить еще раз во время ***. Эта *** воспринимается иначе, чем были две чеченских, она ближе, и мне кажется, это потому, что мы выросли. Реальность — это суровое: «взрослые — это теперь мы», и мы не смогли ничего сделать.

Мое поколение, как минимум какая-то его часть, проживающая в крупных городах, имеющая стабильный доход, во всем так называемом развитом мире — бенефициар экономического роста, глобализации, туризма, открытых границ. Наши самые продуктивные годы прошли в золотой век, мы выигрывали в карьере, материальном достатке, впечатлениях.

Но, оглядываясь назад, я понимаю, что последнее десятилетие — между 2012 годом: протестами на Болотной, которые внезапно дали надежду, и 2022-м — было прожито в ожидании большой войны и нестабильности. Иногда я перечитываю свой дневник и удивляюсь, как можно было жить иллюзиями, что что-то можно изменить, когда каждая страница моих ежедневных впечатлений фоном просто кричит об ожидании ***.

Может быть, бесконечная мантра «делай что должен, и будь что будет» и приобретенный навык жить одним днем сыграли в этом свою роль. Создать иллюзию, что все не бесполезно, и жить этой иллюзией. Поэтому, возможно, будущее для меня пропало тогда, когда я научилась жить одним днем.

Но этот каждый день мы создаем будущее. Делаем какие-то небольшие шаги, когда-то просто, чтобы выживать, когда-то, чтобы поискать что-то новое, когда-то кому-то помочь. Иногда помогаем себе сделать еще один шаг, чтобы продержаться этот день, эту неделю, этот месяц в надежде дойти до следующего поворота истории — мировой или своей личной, как повезет. Почему-то мы надеемся, что за поворотом будет лучше.

Как по мне, так в мировой истории поворот нам не понравится. Говоря «нам», я мысленно очерчиваю круг людей, которые на волне своего становления впитали ценности свободы, уважения личности, готовности отстаивать права других на другое мнение, право решать, как жить самому, и не вмешиваться в жизнь других, и многие другие, которые можно суммировать тем, что личность и человек — важнее общества и государства. Именно эта позиция оказывается под накатом большего консервативного поворота в мире, который, вместо того чтобы законсервировать

хотя бы базовые права и свободы и принести какой-то стабильности (например, в экономике), выглядит то ли продолжением, то ли завершением фундаментального сдвига в мире, где государство победило личные свободы, а государства стали зависимы от конкретных личностей.

Я и некоторые мои друзья часто обсуждаем, что может быть мы слишком рефлексивны. И эта рефлексия помогает нам понять, почему мы ощущаем нашу жизнь развалившейся, но совсем не помогает понять, что мы можем сделать для лучшего будущего. Или просто для будущего.

Читайте также

Планирование будущего — спасательный круг

Планирование будущего — спасательный круг

Это надо делать, но короткими перебежками, а если с дальним прицелом — то с легким сердцем: сорвется — ок, еще что-то придумаю

В такой рефлексии нормально метаться между концепцией Стивена Хокинга о том, что «прошлое, как и будущее, неопределенно и существует в виде спектра возможностей», и концепцией Роберта Сапольски, что свободы воли не существует. Такая рефлексия выматывает, а потом ставит под вопрос смысл жизни, возможности влиять на что-либо и снова делает привлекательным жизнь одним днем.

Если отказаться от ожидания будущего и перестать жалеть о прошлом — жизнь становится если не хорошей, то терпимой. И кажется, что это выход из ситуации — тогда хотя бы в своей частной, маленькой жизни, но жизни прямо здесь и сейчас, можно надеяться на хороший поворот.

Фото: Агентство «Москва»

Фото: Агентство «Москва»

Иногда кажется — и этот аргумент существует и в публичном пространстве, — что такое рефлексивное и странное состояние — проблема очень небольшой прослойки людей, не важно, «уехавших» или «оставшихся». И вот в этот момент я вспоминаю время перед зимой 2011–2012 года, когда казалось, что нет будущего. А потом — сотня тысяч людей на Болотной, огромный проблеск надежды, воодушевление. Которого на самом деле хватило — несмотря ни на что — почти на 10 лет. Может быть, сейчас такое же? Затишье перед всплеском надежды?

Читайте также

Футуро-йок

Футуро-йок

Образ будущего — идея нового застоя, с твердой рукой, но и с потребительскими благами, сформировался на входе в XXI век

Лично меня больше всего расстраивает то, что кажется, что ничего уже не зависит от общества: раз за разом с некоторым ужасом мы наблюдаем, как под аплодисменты и выражение полной поддержки половиной общества еще один лидер пытается снести устоявшиеся, но порядком закоренелые институты. При этом используя как флаг

реформу государственного управления — в ее утилитарном смысле, заикленном на повышение эффективности, а не служение обществу. Сработает ли авторитарная модернизация в США, сказать сложно, но то, что она еще больше добавит непредсказуемости и нестабильности, кажется очевидным.

Вот и получается, что мы сейчас живем в эпоху вопросов без ответов, если они касаются будущего, и в эпоху простых ответов на сложные вопросы, потому что именно они помогают в демократических государствах наращивать силы популистам, а в других — усиливать существующий политический режим.

И все это на фоне еще одного прорыва в технологиях. Искусственный интеллект уже сильно изменил отношение к знаниям, процесс обучения, обработки информации и заодно повысил неопределенность как для экономики, так и для общества. Вчера казалось, что ИТ-профессия — безусловно правильный выбор карьеры, а сейчас снова решающим может оказаться вопрос фундаментальности образования и профессионализма. Причем не только в ИТ — вот уж в чем я уверена, так в том, что уже скоро мы устанем от потока сгенерированных текстов и картинок, неуловимо похожих, и начнем стремиться искать «незараженные ИИ» творческие работы. Или нет.

Неопределенность каждый день заставляет нас подспудно задумываться: а что будет завтра и как мы вообще можем к этому подготовиться? Тут на поверхности есть вроде как простой ответ — вкладываться в себя: образование и здоровье, в близкие социальные связи — семья, друзья. Об этом прекрасно пишет российский экономист Яков Миркин, и его рассуждения помогают мне сохранять относительное спокойствие и вспоминать про рефлексия ученого, которая спасает при наблюдении рушащегося мира.

И образование, и здоровье для самого себя создают основу для будущего. Есть и более сложный ответ — «помоги другому». Я с большим восхищением смотрю на всех тех, кто в сложные времена находит силы помогать другим: в России по-прежнему невероятно сильное волонтерство, стратегия «малых дел», активность на местном уровне. Мое глубокое убеждение, что в этом есть будущее, или как минимум именно люди, которые находят сейчас силы помогать другим, определяют будущее. Определяют гораздо больше, чем те, кто, как я, выбрал сосредоточенность на друзьях и своей жизни.

Фото: Агентство «Москва»

Фото: Агентство «Москва»

Есть ли при этом у всех нас страх перед будущим? Конечно, в такие нестабильные времена он есть, и это то, что нас объединяет, но, возможно, еще больше нас объединяет надежда, что за поворотом будет лучше. Моя надежда — это оставшиеся примеры в моем окружении, что люди с разными политическими взглядами сохранили возможность слушать друг друга и признавать право на другое мнение. Сохранили с обеих сторон.

Чтобы там ни было за поворотом — лучше будет, только если разные люди смогут договориться и вернуть в общественную жизнь дискуссию, выбор, право на другое мнение. И я верю в то, что будущее неопределенно, а выбор каждого человека имеет значение.

Поэтому в конце концов мы все равно увидим будущее. И нам стоит сохранить любопытство к тому, а что там — за поворотом. Когда кажется, что не остается надежды, возможно, так будет легче.

Майя Глумова

Сохраниться для завтра

Любой мыслящий, понимающий, не озверевший и не сошедший с ума человек — и есть будущее

Сохраниться для завтра

Новая газета

7–10 минут

Неуловимое будущее

Изображение

Когда в конце 2021 года вышел фильм «Не смотрите наверх», мы воспринимали его как некую вероятность, один из вариантов развития событий, не предполагая, насколько пророческой окажется рассказанная там история. В воздухе уже витало предчувствие катастрофы, от которого мы в большинстве своем старательно отмахивались.

В сущности, легко было отмахнуться от «криков из соцсетей», мы умные и взрослые, у нас тщательно выстроенная и спланированная жизнь, в которой мы предусмотрели все, как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. У нас ипотеки, дети в хорошей школе, бизнес, карьера, финансовая подушка, а если и не все перечисленное, то планы на лето, планы на выходные, планы на хоть какую-то перспективу.

24 февраля смело все эти планы жестоко и внезапно, мы оказались лицом к лицу с реальностью, с миром, который в одно мгновение изменился и стал откровенно недружелюбен.

Говоря «мы», я имею в виду своих сограждан, россиян, которые способны осознать масштабы произошедшего, и их оказалось не так уж мало, по моим наблюдениям.

Я очень хорошо помню, как 27 февраля мы повезли сына на соревнования по картингу, был солнечный, почти весенний день, из динамиков звучала музыка, дети гоняли по треку, взрослые вели себя так, словно ничего не произошло, и от этого чувство нереальности происходящего еще больше усиливалось. Впрочем, я внешне тоже вела себя спокойно и уравновешенно, поэтому, что думали и чувствовали присутствующие, можно только гадать.

Чувство нереальности и выброшенности из реальной жизни — это, пожалуй, основное впечатление от первых месяцев после февраля. Было совершенно невозможно себе представить, что еще неделю или месяц назад мы смотрели по вечерам дурацкие сериалы и вообще имели какие-то жизненные рутины.

Рухнул сам фундамент повседневности, и чтобы создать на его месте что-то другое, соответствующее сегодняшнему положению вещей, нужно было найти какие-то точные координаты, ориентиры, зацементировать что-то в основе этого существования, а для начала — хотя бы это что-то определить.

Когда постепенно чувство подвешенности над землей стало проходить, и мы начали

опускаться на землю, наметились три вектора, три направления, способа выживания: находиться в прошлом, настоящем или направляться в будущее. При этом существовали они независимо, не опираясь друг на друга, автономно.

Надо отметить, что речь идет о выборе людей, которых я имела возможность наблюдать, и выводы могу делать только на этом опыте.

Читайте также

Футуро-йок

Футуро-йок

Образ будущего — идея нового застоя, с твердой рукой, но и с потребительскими благами, сформировался на входе в XXI век

Часть моих знакомых, выбравшая вектор «в прошлое», начала (или продолжила) искать ответы на вопросы «как мы дожили до всего этого?», «где мы свернули не туда?», «что можно было сделать, чтобы предотвратить?», «что я лично или общество сделали не так?» и сделали этот поиск ответов смыслом существования. Ответы получаются самые разнообразные, зачастую по поводу этого ведутся ожесточенные баталии в соцсетях, и само по себе это искание дает некую точку опоры, сам поиск поворотного момента означает, что можно найти координату, откуда начать движение, оттолкнуться и всплывать. Но вот сколько придется всплывать, зависит от глубины погружения.

Вектор «настоящее» предполагает жизнь здесь и сейчас, отказ от перспективы. Пойдем и проживем этот день. Это, пожалуй, самая устойчивая позиция. О завтра можно подумать завтра, тем более что это завтра, как известно, никогда не наступает, мы всегда просыпаемся в сегодня. В том положении, в котором оказались люди в России, не имея права голоса, права выбора, никакого влияния на завтрашний день, «жизнь сегодня» стала для многих спасением.

И я думаю, что как раз из этой позиции развилось повсеместное волонтерство и низовая взаимопомощь. «Я не знаю, что будет завтра, но сегодня я могу оказать посильную помощь». Эта помощь беженцам, политзаключенным, малоимущим, оппозиционерам, вынужденным эмигрировать, дает понимание, что твой сегодняшний день прожит не зря, возможно, он никак не повлияет на будущее, но в настоящем ты можешь почувствовать себя живым, нужным, устойчивым.

Фото: Донат Сорокин / ТАСС

Фото: Донат Сорокин / ТАСС

С другой стороны, отсюда же происходит, как мне кажется, сглаживание острых углов у мировоззренческих позиций. Если в начале *** было четкое и непримиримое разделение на противников и сторонников (даже не сторонников, а тех, кто считал, что «начальству виднее, а наше дело поддержать»), то за три года эти крайние позиции зачастую парадоксальным образом проникли друг в друга. И с одной стороны, противники сочувственно высказываются о «наших мальчиках» и женах мобилизованных, а с другой — уставшие сторонники допускают мысль «пусть все уже закончится, не важно как, но закончится».

И конечно, с позиции жизни в настоящем люди вообще разрешили себе думать о

себе, что было невозможно сразу после начала военных действий, когда ты сам себе это запрещал, когда новости затмевали твои собственные панические атаки.

Это не значит, что новости перестали волновать. Но таким образом пришло осознание, что нужно надеть маску на себя, нужно жить свою жизнь, исходя и из того, что там нужна помощь, и тут нужна помощь, и так понемногу нашелся хотя бы образ настоящего.

И третий вектор, третий способ выживания — будущее. Эмиграция, если не ради себя, то ради детей или внуков, тяжелый слом жизненной системы ради перспективы жизни в нормальном мире. Это, пожалуй, самый деятельный способ, самый энергозатратный. Зачастую эмигранты относятся с презрением к тем, кто остался в России; мне кажется, именно поэтому оставшиеся не приложили труда к тому, чтобы выбрать будущее. Разумеется, я говорю о добровольных мигрантах, не о тех, кто бежал вынужденно, находясь под угрозой ареста и уголовного дела.

Почему жители России не имеют представлений о том, что впереди, и даже отказываются об этом думать

Кроме того, существует внутренняя эмиграция, сохранение себя, отказ от столкновений с внешним миром, уход в некий воображаемый мир, в котором есть обычная бытовая жизнь, семейные хлопоты, работа, а телевизор или интернет можно вообще не включать. Собственно, большинство жителей России можно принять за внутренних эмигрантов, о чем нам регулярно напоминают посты в соцсетях вроде «приехал в Москву, спустился в метро, все едут, как будто ничего не происходит». Все верно, кроме того факта, что едущий с москвичами в метро со стороны и сам выглядит точно так же.

Эта внутренняя эмиграция частично присутствует в жизни почти любого жителя России. Это очень хорошо заметно, если сравнить реакцию «аборигенов» и приезжих на внешние военные приметы обыденной жизни.

Например, проезжая с другом, живущим в Англии, мимо билбордов с военными на СВО, я заметила, как он физически передергивается от увиденного, притом что сама я уже давно перестала так остро реагировать.

Любой из этих способов справиться, ужиться с реальностью хорош уже тем, что дает возможность не разрушить себя, и во времена турбулентности это очень много значит. Каждый, кто выбрал для себя способ остаться живым, выбрал осознанно, сохранил, я думаю, в себе уверенность, что будущее, каким бы оно ни было, будет нуждаться в нем. Любой мыслящий, понимающий, не озверевший и не сошедший с ума человек — и есть будущее. Оно кажется далеким и несбыточным, о нем сейчас невозможно думать, но будущее — это люди, и они здесь и сейчас, и каждый из них живет надеждой на лучшее, даже если это отрицает.

Потому что иначе проще было бы сдаться.

Юлия Зайцева

<https://novayagazeta.ru/articles/2025/08/23/ia-kak-budto-prosto-ushla-pod-zemliu-i-zadraila-liuk>

«Я как будто просто ушла под землю и задраила люк»

Кроме апатии, многие погрузились в спячку или во внутреннюю эмиграцию

«Я как будто просто ушла под землю и задраила люк»

Новая газета

5–8 минут

Неуловимое будущее

Изображение

Моя мама любит повторять: «Без надежды жить невозможно». Понимаю, разделяю. И живу без четких пониманий о будущем, но с надеждой на спокойствие.

Я постоянно планирую какое-то будущее. До 24 февраля и даже немного позже оно было необозримым, масштабным, глобальным каким-то. Как технологии модернизирует всякая военно-промышленная сфера, так и мое планирование постоянно подгоняла политическая атмосфера — например, после каждого витка жести я начинала искать другую страну для себя и близких. Мое будущее мне казалось возможным только где-то подальше отсюда. Не знаю, почему — может, я так оправдывала свое бездействие здесь и обещала себе, что вот настанет время, настанет другая страна, и как заживем! «Это здесь свинья я, а там я — поросенок», все дела.

Началась катастрофа, и поводов ассоциировать свое будущее с Россией стало прямо драматически мало. Все, на что можно было хоть как-то опереться, сразу же превращалось в ничто: законы переписывались, люди уезжали (а некоторые еще и оказывались упырями), деньги обесценивались, мораль стала чем-то совсем аморфным. Вот вроде самое подходящее время для того, чтобы брать ноги в руки — и вперед, строить новое всё где-то подальше. Но что-то как-то... Именно тогда и выяснилось, что силы для этой большой стройки все равно надо искать в настоящем. И я решила, что отныне будущее для меня — не дальше двух недель.

Читайте также

Неуловимое будущее

Неуловимое будущее

Почему жители России не имеют представлений о том, что впереди, и даже отказываются об этом думать

Хочу проговорить — больше всего на свете меня интересую я и все, связанное со мной. Так что и плясать я буду тоже в основном от своих личных пониманий, мечт, идей и опасений. Про глобальные изменения мне даже размышлять страшно, не то что печатать — потому что я вижу, как мир кругом правееет и ожесточается. Я вижу, как идеям равенства, эмпатии, милосердия, разнообразия дают почему-то презрительное обобщающее название «повесточка», обесценивают и отказываются воспринимать всерьез.

Вижу, как слово «демократия» и производные становятся ругательными. Мне кажется, что дальше нас ждет все больше крушений тех самых надежд, которые я упоминала в начале, и девальваций ценностей.

Я иногда пытаюсь жить по принципу «очнитесь, люди, вы все пропащие! вокруг же все ненастоящее». И напоминать самой себе, что мы в любом случае неостановимо мчимся к энтропии. Все это просто помогает мне проще относиться к окружающим и к реальности. А еще заниматься чем-то своим — нет, не малыми делами, но налаживанием разговора с самой собой и близкими. По-моему, это важно. Я только совсем недавно стала менее поверхностно относиться к своим ощущениям и желаниям, оказалось, что так у того, чем я занимаюсь, появляется больше смысла.
Фото: Агентство «Москва»

Фото: Агентство «Москва»

Из всех окружающих меня рассуждений про будущее и про (не)возможность его строить я для себя вывела два фактора, от которых зависит такое планирование. Это деньги и безопасность. На мой взгляд, меньше становится и того, и другого — не только у меня и моей семьи, но и у россиян в целом. Рубль примерно всю мою жизнь только и делает, что находится в свободном падении, а правила игры в этой жизни меняются слишком быстро. Буквально за одну-две недели поговорка «черный-белый не берите, «да» и «нет» не говорите» может стать новой главной линией партии и самым порицаемым жизненным девизом. Поэтому людям приходится жить сегодняшним днем. А те, кто потревожнее, выбирают жить в «лучшие времена» — в понятном прошлом или неосязаемом будущем. Да-да, синдром отложенной жизни.

Мне кажется, что мы не боимся будущего. Мы боимся, что такое будущее, какого бы нам хотелось, не настанет. Очень неприятно сталкиваться с крушением надежд, когда до этого испарились иллюзии. Сложно что-то делать, когда нет гарантии, что все получится ровно так, как того хотелось.

И не у всех есть молодецкая удаль (или отчаяние смертника, я уж не знаю, кому что ближе) играть all-in, класть все сегодня-важное для какого-то абстрактного будущего. Поэтому можно понять и апатию общества, которую иногда путают с пофигизмом, и излишнюю осмотрительность при заделах на будущее.

А еще кроме апатии, мне кажется, многие ушли в hibernation regime, в спячку. Или во внутреннюю эмиграцию. В таком маловоздушном пространстве, как то, которое нас сейчас окружает, такой подход многим нужен, чтобы переждать смутное время без потерь. Я себя к этим «многим» тоже отношу — мне важно сохранить себя, мне хочется увидеть будущее, когда наконец можно будет разжать зубы. Три года назад я с близкими как будто просто ушла под землю и задраила люк, потому что стало ясно, что смутное время надолго.

Читайте также
Футуро-йок

Футуро-йок

Образ будущего — идея нового застоя, с твердой рукой, но и с потребительскими благами, сформировался на входе в XXI век

Не то чтобы мое отношение к планированию сильно изменилось за эти три года. Я все еще не могу создавать даже стратегию для себя через 10–15 лет. Но, по крайней мере, я могу мечтать об этом времени. И в моих мыслях много всякого абстрактного: солнечная и сухая зима, вечно живые анекдоты, новые рецепты кофе... При этом есть и что-то достаточно конкретное. Например, здоровые и счастливые родители и близкие, работа в увлекательной и денежной сфере, друзья, с которыми не пропадешь и можно шутить как угодно, уверенность в личной жизни — с мужем, в бостонском браке, наедине с самой собой, ну, не важно! Но мне через 10–15 лет будет 35–40, я буду в меру упитанной женщиной в самом расцвете сил, это я знаю наверняка. Тут даже надежд я не строю, это будет именно так.

Алеся И.

«А тьма упорствует. Стоит и питается сама собою»

Власть и элиты прекрасно понимают, что из молодежи вырастет иное будущее, чем насаждают и тщательно выращивают они

«А тьма упорствует. Стоит и питается сама собою»

Новая газета

19–27 минут

Предложение Лаборатории будущего «Новой газеты» поразмышлять над этим самым будущим вызвало у меня некоторое смятие. И не потому, что историк, это, казалось бы, последний из собратьев-гуманитариев, кто может думать о будущем, ведь предмет его исследования — это прошлое. Смятие родилось из-за противоречивости чувств. С одной стороны, я испытал чувства радости и благодарности за возможность поделиться своими мыслями и рассуждениями по проблемам, над которыми я как историк-исследователь, вузовский преподаватель истории и «мемориалец»*, почти четверть века занимающийся историческим просвещением, много думал, а с другой стороны, чувство ужаса как от понимания каверзности и разноплановости темы, так и от того, что на сложные вопросы о «невозможности будущего» надо ответить не монографией.

Неуловимое будущее. Часть 3

Изображение

Будущее многим кажется из сегодняшнего дня трудным, практически невозможным, потому что Россия и мир переживают эпоху трансформации, а точнее, один из моментов ее обострения. Кстати, на мой взгляд, совсем неслучайно в русском языке словосочетание «ждать будущего» куда чаще встречается, чем «создавать будущее»! Нередко, впрочем, можно услышать фразы — «думать о будущем» или «заботиться о будущем», но, как правило, они относятся к личному, а не к общему будущему. Это отличие важно подчеркнуть!

В общем-то, людей всегда интересовало их будущее, и они пытались его выстраивать, но при этом они всегда осознавали хрупкость даже своего личного будущего, которое зависело от тысячи случайностей, болезней, пугало неминуемой старостью и смертью.

Еще в большей степени миллионы людей столетие за столетием старались спрятаться в своем маленьком мирке от большого мира с его войнами, эпидемиями, экономическими кризисами, стихийными бедствиями и всем тем, что могло разрушить их личное пространство и их личное будущее, и на что они не могли повлиять.

Но неверно думать, что люди боятся только будущего. Большинство людей боится всего, что им неподвластно или изменение чего потребует от них больших усилий, чем они готовы приложить. И особенно если это потребует изменения самих себя и привычного образа жизни. Тогда многие люди предпочтут не замечать ни такого прошлого, ни настоящего, чтобы не наступило «неудобное»/неправильное будущее.

Есть старое расхожее представление, что все люди хотят знать правду. Но это

представление совсем не универсально. Я своим студентам в вводной лекции по истории всегда говорил, что трудность истории не только в том, что, в отличие от естественнонаучных дисциплин, нельзя «пощупать» предмет исследования, проводя эксперимент за экспериментом и приближаясь к истине, но и в том, что истина многих пугает, а некоторым просто не нужна, так как избыточна.

Очень многие (не все) не хотят знать истину ни о будущем, ни о прошлом, ни о настоящем. И это касается и единичного человека, и общества. А для власти и элит, строящих свое персональное будущее нередко вопреки (и за счет) общего будущего, те же исследования историков о прошлом и социологов/политологов о настоящем просто опасны. В нашем прошлом и настоящем немало такого, что очень сильно противоречит, скажем, тем псевдонаучным концепциям, мифам, стереотипам, которые власти и элиты используют вместо неудобных для них исторических и социологических исследований.

Современная путинская историческая политика (призванная, кстати, помимо прочего формировать и будущее) опирается уже не только на советское, но и на традиционное российское прошлое. При этом сознательно делается упор на идеи имперскости, абсолютизма, несменяемости власти, приоритета государства над обществом. Можно сказать, что две головы (царской и советской эпохи) российского орла исторической политики действуют заодно, потому что сердце у этого орла единое — враждебное свободе, демократии и идее субъектности народа. И вообще, в принципе, главное для нее — отрицание субъектности общества как такового и признание вот этой субъектности только за государством и правителями.

Сегодня российское общество искусственно содержится властями в системе двойных стандартов. Любое насилие и неправовые действия государства как внутри, так и вне страны оправдываются, а любое сопротивление властям, даже мирное, объявляется экстремизмом и терроризмом.

Сквозь призму этих двойных стандартов власти смотрят и на российскую историю, что влечет за собой нарушение принципа историзма, когда на события, ментальность, действия прошлого смотрят сквозь призму взглядов и представлений сегодняшнего дня.

Парадоксальным образом в сознании сегодняшних российских властей уживается, с одной стороны, оправдание любого государственного насилия и поддержка взглядов на недопустимость насилия кого бы то ни было, кроме них самих. Увы, консерватизм и авторитаризм элит невозможен без поддержки немалой частью народа, в которой эти настроения усиленно поддерживаются пропагандой.

Читайте также
Неуловимое будущее

Неуловимое будущее

Почему жители России не имеют представлений о том, что впереди, и даже отказываются об этом думать

В январе 2022 года, незадолго до вынужденной эмиграции (одной из важных причин которой было сохранение интеллектуальной свободы и возможности продолжать заниматься написанием книг без цензуры и возобновить «мемориальские» историко-

просветительские публичные циклы), гуляя вокруг Путяевских прудов в Сокольниках, я стал свидетелем сценки, заставившей глубоко задуматься. Пожилая женщина, прочитав табличку, в которой посетителей парка просили не кормить хлебом уток, так как им эта пища вредна, вдруг, обращаясь к своему спутнику, экспрессивно и с хорошо различимыми упрямством, раздражением и злостью воскликнула: «Кормили и будем кормить!»

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

В этот момент я понял несколько важных вещей.

Во-первых, ей плевать на уток, ведь она упивается своим правом творить то, что ей хочется, то, к чему она привыкла.

Во-вторых, где-то здесь и кроется ответ на вопрос, который я как историк часто себе задаю: почему люди (и отнюдь не только «большое начальство») не извлекают уроков из прошлого, не учатся у него, а раз за разом наступают на одни и те же грабли, лишая страну будущего?

В-третьих, ровно так же она (и ей подобные) могли бы крикнуть по всему списку: «Пили и будем пить!», «Воровали и будем воровать!», «Пороли детей и будем пороть!», «Травили инакомыслящих и будем травить!» и так далее.

А потом понял, что это и есть одна из причин непроходящей авторитарной «русской исторической колеи»... Впрочем, сегодня на фоне консервативного «правого поворота», происходящего в части умов элит и народов Европы и США, ясно, что это общий тренд.

Конечно, авторитарная и архаичная власть использует таких людей и их архаичное представление «о мире и о себе» в своих интересах, прячется за ними, но не только.

Власть еще и активно разжигает и пропагандирует эти представления, а также активно заливает общество пропагандистским ядом, гасит и давит гуманистические традиции, мнения и настроения русского народа и интеллигенции. Власть и элиты прекрасно понимают, что из них вырастет иное будущее, чем насаждают и тщательно выращивают они.

Леонид Каннегисер, очевидно, именно что-то подобное имел в виду, когда написал перед расстрелом осенью 1918 года слова, жгущие душу своей актуальностью: «Россия — безумно несчастная страна. Темнота ее — жгучая, мучительная темнота! Она с лютым сладострастием упивается ею, упорствует в ней и, как черт от креста, бежит от света.

«Свободы сеятель пустынный, Я вышел рано, до звезды», — говорит Пушкин. И до сих пор не взошла эта звезда. Тьма тём на небе ея. Отдельные безумные сеятели выходят из густого мрака и, мелькнув над древнею окаменелою браздою, исчезают так же, как явились. Одни теряют только «время, благие мысли и труды», другие больше — жизнь. А тьма упорствует. Стоит и питается сама собою».

Звезда взошла в перестройку, но тучи и тьма тём снова ее скрыли. И тьма снова упорствует, снова стоит и питается не только сама собой, но и нашими душами, нашей жизнью и нашим будущим, поглощая их и губя их...

С ужасом глядя на происходящее, нам остается лишь помогать сохранить то, что еще можно сохранить, все, что поможет росткам светлого будущего пробиться сквозь эту тьму, и надеяться, что трагической борьбой лучших людей прошлых поколений, в которой они сгорели во имя света, и борьбой десятков и сотен тысяч других наших современников тучи и тьма будут побеждены, и звезда свободы будет светить всем нам, нашим детям и внукам. Мы все заслужили ее свет и научились его ценить, а главное, научим ценить наших детей и внуков, что бы ни кричали всей мощью своей пропаганды, заглушая (пока еще заглушая) наш голос, люди жгучей темноты. Но, как известно, тьма сгущается перед рассветом... А он неизбежен.

Но будущего нельзя просто ждать. Полагаю, что надо бороться не только с советской половиной российского орла, но и с абсолютистской царской, все более усиливающейся, разоблачать эти идеи и концепции, на противостоянии которым и нужно сосредоточиться. Полагаю, что борьба за будущую свободную и демократическую Россию включает в себя и борьбу за умы россиян. В этом контексте изучение традиций и ценностей борьбы за свободу в России и распространение знаний о ней крайне актуальны.

Ведь необходимо показать и миру, и, прежде всего, российскому обществу, что Россия не страна рабов, что в ней всегда были живы традиции демократии, свободолюбия и борьбы с авторитарной и тоталитарной властью. Она воплотилась не только в истории и традициях дореволюционного Освободительного движения в России, но и в мощнейшем антибольшевистском сопротивлении и борьбе за идеалы свободы и права человека.

Важно понимать, что русская история не делится только на власть и покорный народ. Борьбу антиавторитарных сил за свободу и демократию до и после 1917 года следует рассматривать и как борьбу гражданского общества с людьми, на деле отрицающими его принципы и нормы.

Одним из фатальных следствий уничтожения «антиавторитарных» сил в России в XX веке стало то, что были прерваны традиции российского Освободительного движения XIX–XX вв. При абсолютном господстве в политической жизни страны большевиков (стремительно мутировавших) взамен старых традиций и политической культуры утверждались новые — все более и более несовместимые ни с моралью, ни с культурой, ни с гуманизмом. И как ни печально это звучит, именно в этих политических традициях и культуре «выкристаллизовалась» сегодняшняя политическая элита.

Вот почему важно видеть и показывать обществу то политико-культурное многообразие и альтернативы архаике, авторитаризму и тоталитаризму, которые были в нашем прошлом.

Читайте также
Футуро-йок

Футуро-йок

Образ будущего — идея нового застоя, с твердой рукой, но и с потребительскими благами, сформировался на входе в XXI век

Сегодня мир все больше и больше приходит к пониманию, что авторитет страны и

благосостояние ее народа зависят не только и не столько от размеров ее территории и ее границ, сколько от способности общества модернизировать страну, вывести ее промышленность, науку, здравоохранение, отношения в обществе на современный уровень и гуманизировать их. Но для этого общество должно быть свободным и не зависеть от воли элит и правителей, которые должны служить ему и находиться под его контролем.

РСФСР. 1919 г. Фото: ТАСС

РСФСР. 1919 г. Фото: ТАСС

Все больше и больше людей начинают понимать и ценить свободу и собственную субъектность, необходимые для того, чтобы быть хозяевами своей судьбы. Вообще борьба за свободу и за субъектность личности, групп, народов — стала главной тенденцией XX века и продолжается сегодня, когда идет атака на них со стороны архаичных и авторитарных сил.

Традиционно многие и на рубеже XIX–XX вв., и в постсоветские 90-е XX века, а также в нулевые годы XXI недооценивали важность свободы и демократии как самого фундамента общества. Сегодня совершенно ясно, что это основополагающие ценности.

Преодоление преступлений прошлого и сохранение исторической памяти, на мой взгляд, распространяется на современность и на будущее. Хочется надеяться в то, что рано или поздно будет «Третья Россия», не «красная» и «не белая», не имперская и не авторитарная, а свободная и демократическая, которая построит свои отношения с Европой и со всем миром на тех основаниях, о которых мечтала лучшая часть российской интеллигенции в XIX–XX вв.

Сегодня разворачивается очередная схватка противостоящих друг другу сил. Под ее знаком пройдет вся ближайшая полоса мировой истории. И эта борьба будет драматической. Как долго она продлится, какие потрясения нас всех ждут, и обойдется ли без ядерной войны — сегодня никто сказать не может. Но «жертвова истории» в переломные моменты ее, как правило, не щадили «частного человека» и его тщательно выстраиваемое будущее. Но человек в историческом процессе далеко не всегда песчинка. И знаменитый спор на рубеже позапрошлого и прошлого веков между сторонниками «инициативного меньшинства», отстаивавшими «роль личности в истории», и поклонниками неизбежности «закономерностей исторического развития» далек от завершения.

История творится людьми. И отнюдь не только вождями и элитами, как ни убеждают человека в том, что он песчинка и «маленький человек», как ни убеждают многие себя в этом сами, чтобы, сбросив на чужие плечи заботу об общем будущем, заняться своим собственным.

Будущее порой творится большими массами людей, просыпающимися от спячки в периоды бифуркации общества. И происходит это, как правило, тогда, когда элиты и правители не в состоянии ответить на вызовы истории, а на общественные потребности отвечают насилием и пропагандой.

И несмотря на гигантскую власть, на все внутренние репрессии и разнузданную пропаганду, у этих режимов и их правителей нет будущего, они обречены из-за их вопиющей неспособности адекватно отвечать на вызовы истории и общества.

Владимир Рихтер в 1919 году в освобожденной от большевиков Одессе отвечал тем, кто вспомнил и стал рукоплескать «стародавней формуле» «Нам не нужно великих потрясений, нам нужна Великая Россия!»: «Разве вся наша прошлая история не есть неоспоримое доказательство того, что наше прежнее правительство было не способно вступить на путь эволюции, что своей реакционностью, своим непониманием нужд населения и требований момента оно само лучше всякого профессионала-революционера толкало страну к революции? <...> Проклинайте не революцию, а тех, кто доводил до нее, кто не допускал свободы критики, свободы инициативы, кто боялся общественного мнения. А лучше всего не проклинаяте и не рукоплещите!» Мы видим, к чему вновь привело использование этой формулы-политики уже в нашем веке.

В будущем тому российскому обществу, которое придет на смену путинскому режиму, вне всякого сомнения, потребуется и новое переосмысление исторических событий и своего исторического наследия в целом, накопленных и устоявшихся политических традиций и поиск нового мироощущения и новой идентичности, основанных на ценностях и традициях защиты свободы и демократии.

Последнее делает крайне актуальными историю и опыт традиций российского Освободительного движения, антибольшевистского сопротивления (особенно ее антиавторитарной части) и диссидентства. Потребуется обществу и новые фокусировка и взгляд на окружающий его мир, чтобы быть адекватным его вызовам и реалиям.

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Но подобная адекватность потребует реального, а не на словах, извлечения уроков из прошлых ошибок, отказа от привычных идеологических схем и слов, готовности не только менять мир, но и меняться самим. Например, многие ли готовы даже сейчас, когда правоконсервативный поворот и проваливание в архаику и несвободу уже реальность, ради сохранения свободы и субъектности личности и народа/народов сплотиться на основе этих ценностей, несмотря на партийные и иные этикетки? А ведь подобное объединение и сотрудничество для противостояния архаике потребуются и в России, и в Европе. Готовы ли на это политики? Пока сомнительно.

Увы, в истории человечества было мало государственных людей, адекватно ответивших на вызовы истории. В XX веке, пожалуй, только Рузвельт с его «новым курсом». Даже люди, называвшие себя демократами, играли в вождей и использовали не те пути и средства, которые ведут к демократии и укрепляют ее. Каких только вариантов и оттенков таких людей, являвшихся, несмотря на демократический декор, совсем не демократами, — не продемонстрировала Россия в начале XX века и в 1917 году, а затем и в годы Гражданской войны.

Это огромная проблема всех обществ, находящихся в переходном состоянии от авторитарного общества к демократическому. В 1990-е гг. Россия по вполне понятным причинам вновь столкнулась с этим явлением, когда люди, называвшие себя демократами и поборниками свобод, не уважали и даже сознательно демонтировали демократические процедуры и предпочитали манипулировать народом, нежели на деле рассматривать его как источник власти. Увы, снова «мертвый хватал живого». Увы, он и до сих пор хватает.

Мало кто задумывается, почему все абсолютные монархии в Европе или погибли, или трансформировались в конституционные монархии. Это приговор, вынесенный историей неэффективным сверхцентрализованным персоналистским режимам.

Взамен их были созданы в XX–XXI вв. самые разные варианты персоналистских тоталитарных и авторитарных диктатур, но будущего у них нет.

Фото: Виктор Коротаев / Коммерсантъ

Фото: Виктор Коротаев / Коммерсантъ

Но для нас сегодня важно задуматься над тем, как и почему держались авторитарные и тоталитарные режимы в России и каким образом происходило их обрушение, несмотря на их репрессивность. Так, например, пониманию того, почему коммунистический режим просуществовал намного дольше, чем ожидали его противники в годы Гражданской войны, может способствовать следующее соображение члена ЦК ПСР Е.М. Тимофеева на процессе эсеров в 1922 году, высказанное в контексте осмысления неудач тактики эсеровского руководства в начале 1918 года. Надеясь на быстрый «отход трудовых масс от большевизма», эсеры стали укреплять свои позиции среди рабочих Питера и Москвы, которые горячо поддержали «движение уполномоченных», рассчитывая подорвать социальную базу большевиков и отстранить их от власти. Но ставка эсеров на завоевание более или менее многочисленных и влиятельных слоев рабочего класса оказалась нереализуемой не только потому, что большевики обрушились на это движение всей мощью своего репрессивного аппарата, но прежде всего потому, что в связи с закрытием множества заводов и наступавшего голода огромная часть рабочих стала покидать города, или уходя в продотряды, или просто перебираясь к родственникам в деревню, поближе к хлебу.

И как справедливо констатировал Е.М. Тимофеев в 1922 году: «...Мы забыли, что в русской истории имеется предохранительный клапан: что русские трудовые элементы во все времена разрешали трудные проблемы своей жизни не тем, что становились лицом к лицу к своим классовым врагам, а тем, что уходили от него». Таким образом, источник длительного существования советской власти не столько во всенародной поддержке ее (как это всегда утверждалось официальной пропагандой), но и в этом эскапизме, свойственном русскому народу.

И еще одно. Весной 1917 года знаменитый публицист В. Розанов в своем «Апокалипсисе нашего времени» восклицал: «Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три. <...> она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частностей».

В 1991 году мы снова пережили рассыпание режима, его институций, его идеологии, которые так же изжили себя и стали живыми трупами, которым уже никто не верил. Как справедливо утверждал М. Вишняк в 1931 году: «Как и абсолютизм на Западе, абсолютизм в России начал падать задолго до окончательного своего ниспровержения. Он стал разлагаться фактически гораздо раньше своего крушения *de jure*».

Что царский, что советский режим потому так стремительно и рухнули, что на их защиту практически никто и не встал, что они уже были живыми трупами, они год за годом, месяц за месяцем постепенно умирали в головах людей, в глазах различных

классов и слоев общества. На этих примерах можно сказать, что в России режимы не столько свержают, сколько они сгнивают до основания сами и падают неожиданно для современников.

Но, по всей видимости, подобное сгнивание существующего режима (или даже скорее его наследника) до основания и падение его в головах людей — только дело времени.

И этому будет способствовать то, что данный режим стремительно сжигает свои ресурсы и выжигает себя изнутри. Давным-давно, еще в советские времена я слышал, что на приборах сектор газа стратегических бомбардировщиков кончался форсажем, закрасенным красным. В боевых условиях самолет в режиме форсажа сможет быстрее выйти на рубеж пуска крылатых ракет, но из-за выгоревшего ресурса двигателей уже назад не вернется, даже если его не собьют.

Фото: Виктор Коротаев / Коммерсантъ

Фото: Виктор Коротаев / Коммерсантъ

Нынешний режим долго еще смог бы находиться в воздухе, если бы не включил на рубеже 2011–2012 годов именно этот режим форсажа. Многократное усиление авторитарности и репрессивности режима, военные конфликты, «ура-патриотическая» пропаганда — это не свидетельство силы режима, а полет в режиме форсажа, который не может не закончиться его падением. Те из нас, кто помнит советское время семидесятых-восьмидесятых, прекрасно помнят, как многие быстро перестали верить в истертые слова и обветшалые лозунги, когда перед глазами были реальность (и элиты), совершенно им не соответствовавшие.

Когда это произойдет? Увы, мы можем видеть противоборствующие процессы, силы и тенденции, но предугадать их силу и глубину предстоящих изменений, четко увидеть рисунок и сроки событий мы не можем.

Константин Морозов

Воля к покорности

Русские правила и исключения — на чем строится лояльность и обыденность жизни «народа». Мнение антрополога

Воля к покорности

Новая газета

9–13 минут

Каждая большая общественная среда, именуемая обычно народом, существует с оглядкой на некоторые правила, на установленные ориентиры. Обычно это не слишком ясно оформленные ориентиры. Это не высказываемые, но устойчивые настроения чувств и ума. Подсознательные паттерны. Они существуют и оказывают влияние как бы по умолчанию, исподволь. Но иногда оформляются в довольно четкую концепцию.

Когда в XIX веке граф Уваров создавал свою знаменитую формулу «самодержавие, православие, народность», он создавал ее не на пустом месте. Уже задолго до него русское сознание и подсознание последовательно получали от русской церкви именно такие ориентиры. Церковь веками формировала и устанавливала мысли и чувства «народной среды». Основные установки выглядят примерно так:

православный человек всегда в согласии с церковью и государством;
православный человек верит, а не задает вопросы;
православный человек верит не себе, а святым отцам;
православный человек не верит неправославным людям.

Граф Уваров лишь правильно уловил все это в общей атмосфере и с гениальной лаконичностью сформулировал. Концепция попала прямо в мейнстрим. Подвела смысловой итог всем предшествующим векам русской истории.

Впрочем, вплоть до конца XVIII века, до «Путешествия из Петербурга в Москву» Александра Радищева ничего другого, кроме мейнстрима, и не было. Явление Радищева стало невероятным исключением из правил, культурным и смысловым аутсайдерством, в то время как православно-самодержавный дискурс властвовал над «народной средой» безраздельно. Однако подобные исключения, будучи крайне немногочисленными, обеспечили активную жизнь русского культурного сознания практически на два века. И обеспечивают ее до сих пор.

Не стоит представлять, что авторитет государства, церкви и святых отцов целиком заполнял все уголки. Да, этого хотели правящие элиты, как властные, так и духовные. Они делали почти все возможное для того, чтобы «народная среда» была чем-то максимально единообразным, гомогенным.

И в целом это им вполне удавалось: русский человек оставался по большей части существом лояльным, не задающим лишних вопросов и практически целиком занятым заботами о своей повседневной жизни.

Ибо заботы о «трансцендентной» жизни он без особых сомнений делегировал «верхам». Но и при таких условиях полной гомогенности не получалось — из самой человеческой природы время от времени рождалось нечто, не обусловленное средой. Рождалось сопротивление единообразию и единомыслию.

Инертное, полусознательное, почти не выражаемое в словах, а тем более в действиях, — сопротивление как глубинное ощущение принципиальной «неправды» русского «земного царства». Если в чем и проявленное, так это в кривой ухмылке, с которой обыватель смотрит на власть и ее законы, да еще в стихийном запойном пьянстве. Да еще когда-то в протяжно-тоскливых народных песнях.

Но все это, — не нарушая общей обывательской лояльности и готовности по государевой воле сносить практически все возможные тяготы и лишения. Кажется, все уже опробовала на русском обывателе государева воля, — и все он не оспаривая сносит. Такое вот сопротивление.

Впрочем, было сопротивление и другого рода. Его явлению весьма способствовало «прорубленное» с XVIII века «окно в Европу», из которого открывался доступ к альтернативным началам и концам истории. Открывался удивительный, много веков запретный для русского взгляда мир, позволяющий мыслить и чувствовать уже совсем не так, как предписывалось по «милости сверху». Да, это почти никак не повлияло на общий контекст. «Народная среда» и правящая ею элита по-прежнему оставались в своей картине мира на уровне «Слова о законе и благодати», на уровне ценностей XI столетия. «Священное крепостничество» стояло прочно. Культура европейского просвещения передела русскую элиту в камзолы и парики, но никак не задела основ русской жизни.

Фото: Сергей Карпухин / ТАСС

Фото: Сергей Карпухин / ТАСС

Однако явились и исключения из общего. Не сразу, как будто раскачиваясь на протяжении всего XVIII века, но явились. Исключением стали Радищев, затем декабристы и Чаадаев. Исключением стали гении Пушкина и Гоголя и так далее. Все это «погрешности» и парадоксы относительно «народной среды». В каком-то смысле это «антинародные» явления, ибо мало что есть для «народной среды» более странное и чуждое, чем внимание к отвлеченным универсальным идеям и эмпатия к внутреннему миру отдельного, обособленного индивида.

Власть, которая отвечала за сохранность «народной среды», конечно же, не могла не отреагировать на такое. Радищев отправляется в тюрьму, декабристы — на виселицу или каторгу, Чаадаев объявляется сумасшедшим.

Литературе повезло больше, ибо она говорит метафорами, а метафору куда сложнее уличить в подрыве «священных основ». Кроме того, литература всегда больше интересуется миром отдельного индивида, чем миром идей, а для власти мир индивида есть нечто столь незначительное и неконкурентное, что она просто не смотрит в его сторону. Тем не менее сторожевая бдительность русской цензуры, особо развернувшейся к середине XIX века, была непревзойденной.

Занимаясь отдельным индивидом, личностью, русская литература всегда показывала, насколько сложно, если зачастую и совсем не безнадежно выйти из-под авторитета среды. Стать личностью, а не частью контекста, не частью «народа». Особенно сложно это сделать в силу того, что авторитет среды всегда находится под неусыпным патронажем авторитета церкви и власти, которые по умолчанию стоят на стороне самого массового и безличностного, что есть в русском мире. И называют это «стоять на стороне народа».

Всякое движение в сторону от этих авторитетов, от «народа» должно сопровождаться для личности сильнейшим чувством вины. Внедрением этого чувства занимаются русская церковь и русская власть как, возможно, самым основным своим делом.

Этим они уже много веков обращены к русскому человеку.

Как только чья-то душа осмеливается расправиться и пожелать свободы, на сцену сразу выходит призрак упрекающей, запрещающей, а затем и карающей «церкви-матери», «родины-матери» и несет для души ослабление и болезнь безволия. К несчастью, русский человек чаще всего пасует перед такими призраками и напрочь отказывается от свободы.

Показательный пример — повесть Ивана Тургенева «Фауст». Сюжет построен вокруг того, как молодой человек по вечерам читает замужней молодой женщине гетевского «Фауста». Перед воспитанной в строгих семейных традициях слушательницей открывается совершенно новый мир, захватывая ее неясными желаниями и фантазиями. К тому же для нее это вообще первый литературный опыт и нарушение табу, ибо благочестивая мать девушки наложила запрет на все книги, кроме житий святых. И даже после того, как мать покинула этот мир, ее запрет соблюдался.

Читайте также
Гипнотизируя себя

Гипнотизируя себя

Архаизация случается во все времена, когда исчезает «идея человека». Общество ищет простые ответы у лидеров-гипнотизеров

Но чтение идет, а между слушательницей и молодым человеком возникает искра, влечение, что усиливается на фоне параллельной истории Фауста и Гретхен. Однако в самый момент чувственного признания девушка внезапно бледнеет и бежит прочь — перед ней является призрак безмолвно осуждающей матери. После — неизлечимое душевное расстройство и скорая смерть девушки. Что касается молодого человека, то он остается жить с гнетущей виной, ненавистью к себе и к самому принципу свободы. Он признает правоту запрета и склоняется перед ним — его «фаустовское» испытание закончилось, едва начавшись.

Весьма часто встречающееся свойство русской «народной среды» — вместо того чтобы критически осмыслить запрет, индивид подчиняется ему и уничтожает свою волю к свободе.

Субъектное «самооскопление». Нравственное, интеллектуальное, эмоциональное. «Скопчество» как своего рода «добродетель» среды. «Особый» вид идентичности «русского мира». Запрет и подчинение — это норма. Свобода и осознание — беда и опасность.

В конце концов, отказ от «фаустовской мятежности» утверждается как некий отечественный «геном»

Под воздействием «народной среды» человек теряет склонность мыслить и чувствовать вне той нормы, что задана «церковью-матерью» или «родиной-матерью».

С равнодушием, а то иногда и с недовольством и презрением смотрит он на проносящиеся перед ним утопические замыслы и рождающиеся из них трагедии. Зачем вы тревожите меня? Зачем искушаете тем, что сами не можете отчетливо определить? Что делать мне с вашей свободой и бесконечностью? Разве за ней не следует наказание?

В матрице «русского мира» будто отпечаталось заключительное слово тургеневского героя из «Фауста»:

«Одно убеждение вынес я из опыта последних годов: <...> жизнь — тяжелый труд. Отречение, отречение постоянное — вот ее тайный смысл, ее разгадка: не исполнение любимых мыслей и мечтаний, как бы они возвышенны ни были, — исполнение долга, вот о чем следует заботиться человеку; не наложив на себя цепей, железных цепей долга, не может он дойти, не падая, до конца своего поприща...» (И.С. Тургенев. «Фауст»).

Архаизация случается во все времена, когда исчезает «идея человека». Общество ищет простые ответы у лидеров-гипнотизеров

Русская литература в общем-то и занималась тем, что описывала тщетные попытки индивида вырваться из-под власти «среды». Русская философско-гуманитарная мысль строилась на столь же тщетном вызове, который бросали государственной системе и системе традиционных верований редкие свободные умы. Но фактически все сводилось к тому, что государство по-прежнему оставалось самодержавным, а «народная среда» — безликой и покорной.

Однако вот в чем дело: все эти попытки и вызовы, и их описания — все это не дает русской «народной среде» сделаться абсолютно гомогенной, а государству — абсолютно тоталитарным. Вероятно, только это и не дает.

Создается зазор, в котором человек видит жизнь не только по правилам и централизованным установкам, но и как нечто «исключительное».

И в силу своей человеческой природы примеряет эту «исключительность» на себя. Хотя бы только гипотетически. А чем еще, как не «исключениями», движется эволюция? Если, конечно, мы подлежим эволюции.

Россия — для грустных
Образы будущего заинтересовали власть. И нам эти образы нарисовали

Россия — для грустных
Новая газета
15–22 минуты

Это совершенно точно никак не может быть совпадением. Буквально за месяц и только в России были представлены результаты минимум трех больших попыток изучить и разными способами описать то, каким может быть будущее страны и мира и россиян в нем. Привластные политологи из СВОП нарисовали картину-идеологию России — мечты будущего. Институт «Царьград» с помпой представил то, как, по их мнению, должна выглядеть страна в 2050 году (сверхдержава, авторитаризм, полеты на Марс). И вот к этой череде попыток заглянуть в будущее присоединились медийщики и кинематографисты, и результат их изысканий вышел весьма любопытный.

На прошедшем недавно Санкт-Петербургском международном экономическом форуме Национальная Медиа Группа (НМГ) представила проведенное совместно с Центром социального проектирования «Платформа» исследование «Эскизы будущего». НМГ, структура собственников которой не раскрывается, но которую часто связывают с Юрием Ковальчуком, с 2014 года в качестве председателя совета директоров возглавляет Алина Кабаева. Группа владеет каналами СТС, РЕН-ТВ, мультимедийным инфоцентром «Известия», онлайн-кинотеатром Wink и рядом других активов, включая доли в Первом и Пятом каналах. Также ей принадлежит НМГ «Студия» и множество других компаний, производящих кино- и медийный контент. Центр «Платформа» был создан в 2015 году и специализируется на корпоративных исследованиях.

Причину для того, чтобы объединить усилия этих двух организаций и попытаться разобраться с тенденциями будущего, объяснила генеральный директор НМГ Светлана Баланова: «Есть у нас задача поучаствовать в создании образа мечты, формулировании образа мечты, который позволит нам более эффективно творить, работать, бороться».

По ее словам, Группа почувствовала запрос общества на более позитивную картину будущего, которая может быть отражена в кинематографе, и для этого было решено этот запрос уточнить. В ходе исследования «Платформа» провела большой всероссийский онлайн-опрос, экспертные и структурированные интервью с молодежью и подростками в возрасте 12–17 лет и несколько экспертных сессий с представителями науки и креативной среды. Главной задачей исследования было заглянуть в далекое будущее, лет на 50–100 вперед, чтобы описать то, каким оно представляется сегодняшним россиянам.
Горизонт планирования

И тут как раз у исследователей возникла первая проблема. Оказалось, что столь далеко во временном горизонте участники и участницы исследования не заглядывают. Отвечая на первый, установочный вопрос «Какой подход к жизни, по вашему мнению, является более правильным?», большинство в почти 70% ответило,

что они предпочитают планировать свою жизнь в пределах того, что можно контролировать, не заглядывая слишком далеко вперед. Еще 17% дали ответ, что они склонны жить здесь и сейчас, наслаждаться каждым моментом и не задумываться о будущем, и лишь 13% подтвердили, что они склонны задумываться о будущем мира в целом, учитывая долгосрочные перспективы, и планировать свою жизнь с учетом этих изменений.

То есть, если смотреть честно, лишь абсолютное меньшинство в принципе задумывается о будущем, куда уж там думать о перспективе следующего столетия.

Фото: Антон Новодерёжкин / Коммерсантъ

Фото: Антон Новодерёжкин / Коммерсантъ

Будущее еще ближе подошло к настоящему, когда исследователи решили уточнить, на какой период россияне сейчас могут более-менее реалистично представлять образ будущего. Все оказалось очень похоже на те ответы, которые раз за разом мы получаем, проводя фокус-группы нашей Лаборатории будущего «Новой газеты»: самые частые ответы вращаются вокруг пяти лет, далеким будущим кажется что-то около 15–25 лет, да и то, если очень и очень напрячься. Тут вышло ровно то же самое. Подавляющее большинство респондентов далеко не заглядывает: 29% считают реалистичным образ будущего на горизонте 10–15 лет, 27% — 3–5 лет, 11% — нескольких месяцев, а еще 11% ответили, что «все быстро меняется, в прогнозах нет смысла». Лишь 14% посчитали возможным что-то разглядеть в 2045–2050 годах, 4% готово мечтать аж на 50 лет, а 2% — на сто и более лет вперед.

Из этого авторы исследования сделали два вывода. Один — бесспорный, заключающийся в том, что неопределенность настоящего и того, что будет происходить вокруг нас в ближайшее время, не позволяют россиянам заглядывать слишком далеко как с точки зрения грядущего страны и мира, так и своего личного будущего. Второй же вывод, похоже, вполне соответствовал интересам заказчика в лице Национальной Медиа Группы. Если люди сами не могут представить будущее, то именно искусство в лице кинематографа должно восполнить пробел: «насыщать дальний горизонт образами, поддерживать более светлую перспективу, создавать вдохновляющий эмоциональный настрой». Невозможно не заметить, что есть более очевидный путь к светлым перспективам будущего: сделать более мирным и предсказуемым, менее тревожным настоящее, и тогда люди сами захотят смотреть вперед. Но, видимо, этот вариант не рассматривается.

Контртренд

Дальше исследование довольно детально попыталось ответить на три больших вопроса: каким будет сам человек в некоем отдаленном будущем, каким будет мир вокруг него и что возможно сделать, чтобы создать у общества позитивную картину грядущего. Постановка последнего вопроса именно в смысле фокуса на позитивности не обсуждалась.

С одной стороны, авторы исследования на основе своего профессионального опыта пришли к выводу, что

существующие как отечественные, так и зарубежные кинообразы будущего слишком мрачные, пессимистичные и даже постапокалиптические, и не рисуют той картины, которая существовала в советской фантастике, когда все впереди сияло и светилось, и все летели в космос. И с этим явно что-то надо делать.

А с другой — они, видимо, оттолкнулись от многочисленных разнообразных исследований последних лет, которые показывают, что российская молодежь смотрит в будущее пусть и настороженно, но умеренно оптимистично. Кстати, наши исследования это тоже подтверждают.

Очень похожая картина складывалась и тут. Правда, вопрос был поставлен не про отношение к личному будущему респондентов или будущему России, а к тому, как будут складываться дела у человечества в целом. Доминирует тут осторожный оптимизм — 44%, у 19% этот оптимизм даже полный, 17% настроены пессимистично, 4% испытывают полную безнадежность, а 15% считают, что в мире ничего глобально меняться не будет.

Эти данные очень обрадовали авторов исследования, вокруг них они, собственно, и построили презентацию всех полученных результатов, назвав их «контртрендом к мировому пессимизму». Под последним, видимо, понимаются прошлогодние данные глобального исследования, согласно которым 59% населения планеты считает, что в ближайшее десятилетие жизнь в целом станет хуже, а 40% — что лучше. Но по большому счету, тут дело скорее в формулировке вопроса и предложенных вариантах ответа, хотя никто не будет спорить, что человечество сегодня явно не пышет оптимизмом, да и не с чего.

Фото: Игорь Иванко / Коммерсантъ

Фото: Игорь Иванко / Коммерсантъ

Интересно то, что в определении того, что будет определять окружающий их мир в будущем, россияне абсолютно совпадают с тем, каким это будущее видится всему глобальному человечеству. Перечень довольно очевиден: развитие искусственного интеллекта и всего с ним связанного, био- и генные технологии и соответствующее развитие медицины, дальнейшее развитие компьютеризации и квантовые технологии, новые источники энергии, цифровизация и дальнейшее освоение космоса. Правда, последнее россияне ставят чуть ли не на предпоследнее место по важности и перспективности, тогда как в мире это направление людям кажется чрезвычайно важным. Наверное, именно поэтому в исследовании делается вывод, что сегодня фокус в ожиданиях от будущего смещается с внешнего расширения к «внутренней трансформации человека и его среды обитания». Хотя потеря россиянами интереса и веры в перспективы космических исследований не может не печалить. Впрочем, отечественными руководителями космической отрасли для этого было сделано все возможное и невозможное.

В чем еще россияне совпадают с жителями других стран, так это в их личном отношении к бурному развитию технологий. Как и везде в мире, что подтверждается множеством исследований, это отношение сегодня сочетает надежду и настороженность.

Практически все понимают, что технологические инновации и неизбежны, и многое могут дать людям. Но невероятная, пугающая скорость встраивания в нашу жизнь искусственного интеллекта не может не тревожить, как минимум умеренно. Все же смотрели «Терминатора». В России тоже: 44% воспринимают развитие технологий со смешанными чувствами — и заинтересованно, и обеспокоенно. Те же 44% им вполне доверяют. А для 10% они представляют угрозу.

Что радует, что пугает

Надо отдать должное, с тем, что именно в будущем с точки зрения россиян будет прекрасно, а что конкретно их изрядно пугает, авторы исследования разобрались чрезвычайно дотошно.

В первой группе оказались прогресс в медицине, профилактика и лечение всех болезней, долголетие (60%), производство без отходов и выбросов, возобновляемые источники энергии (47%), повышение качества образования в мире, доступность знаний для всех (36%) и международное сотрудничество и мир (32%).

Того, что видится возможным в будущем, но при этом кажется тревожным и страшным, оказалось сильно больше: пандемии и биологические угрозы (49%), экологические катастрофы (47%), ограничение личных свобод, цифровой контроль (42%), безработица из-за автоматизации (40%), социальные беспорядки и конфликты (37%), проблемы психического здоровья (37%), развитие искусственного интеллекта вне контроля (36%), ядерная война (35%), усиление социального неравенства (32%). Совершенно не удивительно, что людям тяжело и тревожно заглядывать в будущее, где можно ожидать столько угроз, большая часть из которых вполне ощущается уже в настоящем. И вполне объяснимым кажется желаемый образ будущего, который звучит как классическое пожелание в стандартной открытке от человека к человеку: здоровья и мира.

Интеллигентный циник

А что же, собственно, будет с этим самым человеком? И тут обнаружилось, что, с точки зрения участников исследования, человек будущего будет не то чтобы идеальным и совершенным, практически неуязвимым, как это изображалось в той самой старой доброй советской фантастике. Вот какой образ проступает, если свести воедино все полученные результаты: очень адаптивный к изменениям, интеллектуально развитый, с ярко выраженными творческими способностями, экологическим сознанием и весьма симпатичной внешностью. Но при этом с не очень хорошим физическим здоровьем, со сниженной эмоциональной чувствительностью, с проблемами с психическим здоровьем и психологической устойчивостью и с весьма размытыми моральными и этическими ориентирами.

Так себе картина вырисовывается. Какой-то хилый депрессивный циник-интеллектуал, сортирующий мусор и на досуге пописывающий стихи. Видимо, чтобы уйти от этого не самого симпатичного образа, исследователи вдруг вставили в эту часть презентации результатов еще одну характеристику, в обоснование которой не было приведено никаких данных: «сильный — не только внешне (за счет технологий), но и внутренне — готовность к классическому героизму». Откуда это вдруг взялось? Почему? Нет ответа. Но эта «готовность к героизму» вдруг оказалась (думается, совсем не случайно) очень созвучна с тем, что можно обнаружить среди ожиданий от россиян будущего в докладе тех же царьградцев.

В социальном же смысле наш будущий россиянин окажется в мире, который тоже выглядит не самым привлекательным образом, сколько бы вокруг ни кружилось летающих автомобилей и ни бегало персональных роботов-помощников.

В презентации результатов исследования приведены цитаты подростков, которые, как смогли, описали то, каким они представляют общество будущего. Большинство из описанных образов отнюдь не оптимистичны: «Жизнь станет похожа на антиутопию. Люди станут меньше думать о других, заботясь о «выживании». Будет

сильная конкуренция, питаться правильно будет привилегией». Или вот: «Общество станет более закрепощенным, больше запретов, контроль». А еще вот: «Весь мир станет черствее и прагматичнее, сильно будут цениться настоящие человеческие качества».

Совершенно не удивимся, если окажется, что как раз после получения именно этих ответов Национальная Медиа Группа решила срочно начать снимать фильмы про позитивное, радостное будущее с упором на социальные вопросы. Потому что такое будущее, каким его видит подрастающее поколение, совершенно никого ни на что, включая тот самый героизм, не вдохновит. Что тащим в будущее

В это будущее россиянам предлагается взять кое-что и из их настоящего. На самом деле, хотелось бы узнать, кто и почему составил именно такой список вариантов ответов на вопрос: «Какие элементы современного общества, по вашему мнению, особенно важно попытаться сохранить в будущем без значительных изменений?», который был предложен респондентам, ведь в него можно было вставить практически что угодно. Впрочем, нет, совсем не нужно это узнавать, потому что с учетом тенденций и трендов текущего дня в стране, традиционные ценности были обречены на появление в исследовании. И они появились.

Чтобы остаться в будущем. В него из нынешнего общественного уклада планируется взять формат семьи (традиционная семья с родителями и детьми) — 67%, натуральную, «естественную» еду — 63%, основные этические и моральные ценности — 54%, культурные и исторические традиции — 51%, природные ландшафты, человеческую природу и образование в традиционном виде — все почти по пятьдесят процентов.

И еще демократические институты (выборы, свобода слова) — 34%.

По какой-то причине представлявшему на ПМЭФ результаты исследования гендиректору «Платформы» Алексею Фирсову показалось необходимым сделать акцент именно на этой выявленной разнице: вон где для россиян по важности семья и традиции в будущем, а вот где вся эта ваша демократия. Но, учитывая то, как устроено все сегодня в стране, и 34% совсем неплохой показатель, да и вообще, спасибо, что включили этот вариант, а не какие-нибудь «величие» и «твердую руку».

Да и вообще хочется сказать большое спасибо за исследование, в нем оказалось, помимо всего приведенного, много полезного. Тут и подробное описание того, что россияне ждут от будущего межличностных отношений («станут более поверхностными и отчужденными, с уменьшением живого общения и ростом зависимости от виртуальных контактов»), и перспектив развития медицины (люди верят в ее значительный прогресс, но не ждут резкого роста продолжительности жизни или полного решения проблем в сфере здоровья), и того, чем мы все будем в будущем питаться (60% опрошенных считает, что через 100 лет будут преобладать «искусственные» продукты), и как учиться (важно будет ориентироваться в потоке знаний и информации, человек станет не носителем знаний, а оператором, который умеет правильно ставить задачи), и на чем ездить и где жить (Россия не просто останется урбанистической страной, но и чрезвычайно в этом разовьется, прирастая мегаполисами с развитым транспортом).

Фото: Давид Френкель / Коммерсантъ

Фото: Давид Френкель / Коммерсантъ

Все это очень пригодится и в наших исследованиях и сценарном прогнозировании будущего, а не только для развития отечественного кинематографа. Который совершенно точно, учитывая влияние и мощности НМГ, теперь повернет в сторону фантастики как на большом экране, так и в телеформате. Ведь это действительно никуда не годится: среди ответов на вопрос «Какие источники информации наиболее сильно влияют на ваше представление о будущем?» художественные фильмы и сериалы оказались лишь на четвертой позиции с 27%, сильно отставая от научных исследований и новостей о технологиях — 47%, текущих событий — 46% и документального и образовательного кино — 34%. Причины для этого тоже были выявлены в ходе исследования: дороговизна производства научно-фантастического кино, отсутствие у таких фильмов стабильной аудитории, дефицит идей и сценариев.

Плюс самая большая, важная проблема текущего дня, заключающаяся в том, что глобальный стандарт в этом разделе кинематографии задает Голливуд, главный нарратив которого — мрачные, постапокалиптические сценарии.

А нам надо будущее светлое и вдохновляющее, позитивное и манящее вперед. Ведь если сегодня, глядя на настоящее, невозможно такое будущее уверенно предсказать, то его можно придумать и перенести на экран.

Перенести, взяв все лучшее из советского наследия и развернув его в сторону вопросов идентичности, границ человека, отношений между людьми и машинами, а также социальной фантастики, где в большей мере прорабатываются идеи нового общества, а не технологии.

Чтобы понять, каким может быть это общество, будет создана Лаборатория футурологии, результатов которой мы будем с нетерпением ждать. Может быть, им удастся придумать, как стрессующего, депрессивного россиянина настоящего и будущего заставить выдохнуть, улыбнуться и поверить, что светлое будущее действительно возможно. Например, начав с проработки сюжетной линии, где мир — это не фантастика.